

ДЕТЕКТИВ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Дарья Калинина

С царского
плеча

Дарья Александровна Калинина

С царского плеча

Серия «Сыщицы- любительницы Кира и Леся»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658170
Дарья Калинина. С царского плеча: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71023-2

Аннотация

Уже пять лет Настя и Лешка живут вместе, но Настя до сих пор не знакома с родителями своего избранника: тот категорически против их встречи. По его словам, отец – ужасный человек, настоящий монстр, его все боятся как огня. Поговаривают, что он даже убил двоих своих домочадцев, которые пошли против его воли. Впрочем, Настя настроена решительно, и ей все-таки удастся уговорить Алексея посетить поселок, чтобы представить ее родителям и испросить их благословения на брак. Двоюродная сестра Насти Леся и ее подруга Кира соглашаются сопровождать девушку. Именно им и «посчастливилось» первыми обнаружить тело отца Алексея – старца Захария, вполне уважаемого в селе человека. Вот и съездили на смотрины, теперь сыщицам-любительницам нужно помочь официальным властям найти истинного преступника...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	45
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Дарья Калинина

С царского плеча

Глава 1

Поселок Зубовка славился своими женихами. Вроде бы в окрестных деревнях и селах тоже были свои парни, но все-таки по сравнению с зубовскими – это были не женихи, а какая-то несерьезная мелочь. Даже посмотреть-то там было не на что. Во всяком случае, девки из окрестных сел все поголовно мечтали выйти замуж за парня именно из Зубовки.

В свою очередь, невесты в Зубовке были словно на подбор, страшные на лицо, но зато дико богатые приданым. За каждую засидевшуюся в девках невесту родители очень даже запросто давали автомобиль, дом, кое-какое барахлишко и обязательно деньги молодым на обзаведение. Деньги клались тут по старинке на «сберкнижку», которая торжественно и вручалась молодой на ее свадьбе. Этим жестом родители невесты как бы в очередной раз подчеркивали, что деньги дарят они для своей дочери, так что и распоряжаться ими будет именно она.

Конечно, это не сильно нравилось новоиспеченному супругу, но, с другой стороны, громко жаловаться было грешно. Ведь ему в полное его распоряжение доставался автомо-

биль. А полностью машина переходила в руки мужа потому, что вождению зубовские невесты не бывали обучены. Их родители не признавали такого рода новшеств. И девушки тут свое образование заканчивали в лучшем случае на уровне средней школы. Многие знания, многие печали, говорили старые люди и жили согласно этому принципу уже не первый десяток лет. Дело в том, что Зубовка была поселком не совсем обычным. И люди там жили тоже не совсем обычные. Да и детей своих женить, если уж говорить совсем честно, они предпочитали между собой, не отдавая их в другие села, в другие семьи, и самое главное, в другую веру.

Потому что вера в деревне Зубовка была своя особенная, церковь у них тоже была своя особенная, и даже поп у них был свой собственный, тоже особенный. И этим попом, надо сказать, зубовские очень гордились и ни с кем из своих соседей не делились. Да и как бы они могли с ними поделиться? Коли поп у них, а точнее святой муж отец Захария, исполнял роль пророка, первосвященника и старосты, считался в Зубовке первым человеком и ходил исключительно туда, куда ему самому бывало угодно.

Ему недавно исполнилось восемьдесят пять лет, но выглядел он еще очень бодрым и полным сил мужчиной. Обладал густой окладистой бородой, высоким ростом и был широк в плечах. Кроме того, имея еще и зычный голос, отец Захария любил проповедовать о конце света. И эти его проповеди отличались такой красочностью и сочностью описаний страда-

ний грешников, что сразу хотелось приобщиться к спасению и успеть сберечься от описываемых отцом Захарием мучений.

Впрочем, путь сей был достаточно прост. Нужно было всего лишь искренне раскаяться в содеянном грехе или повинности, сделать пожертвование и затем очиститься от своих грехов. Пожертвованием мог быть крупный или мелкий скот, птица, а также особенно любимая отцом Захарием жертва – деньги.

– Серебро-то оно почище всех прочих жертв будет, – гудел он в свою окладистую бороду, получая очередное пожертвование от очередного страждущего очищения клиента. – Через серебро все твои грехи и очистятся. Серебро-то оно чудное свойство имеет, в себя всю грязь человеческую впитывать, а самому при этом чистым оставаться. Видал, в некоторых домах серебро у людей все черное бывает. Почему это?

– Окисление металла на воздухе... – пытался проявить эрудицию отвечающий, но отец Захария его быстро прерывал на середине фразы.

– Серебро грехи человеческие к себе притягивает! – громовым гласом возвещал он, да так страшно сверкал глазами и скалил зубы, что у его оппонента отпадало всякое желание с ним спорить. – А само чистым при этом остается. Водой те грехи смыть можно. Вода все смывает. Протрешь серебро теплой водой, оно и очистится, вновь беленькое, блестящее, глаз радует.

С такой же позиции отец Захария объяснял вообще все природные явления. По его представлению мир вокруг нас был буквально пропитан недремлющей силой, ведущей строгий счет всем человеческим прегрешениям, а затем докладывающей о них лично отцу Захарию.

– Бог всюду, он говорит со мной!

По словам отца Захария откровенный разговор с Богом у него происходил всякий раз, как он приходил в молельный дом, который тут хоть и был снабжен крестом, но этим его сходство с традиционным православным храмом и заканчивалось. Не было тут ни купола, ни звонницы. Отец Захария считал, что это все лишнее и только мешает ему общаться со Всевышним. Кое-кто говорил, что чисто внешне дом для собраний верующих в Зубовке сильно напоминал ветхозаветную скинию, как ее изображают на картинках в детской Библии. Сам Захария этого и не отрицал, и не подтверждал. Но если правда это, то получалось, что отец Захария мнит себя никем иным, как самим новым Моисеем.

И конечно, запросто можно было бы счесть отца Захария обыкновенным мошенником, каких полным-полно водится в мире, кабы не одна его особенность. Отец Захария умел исцелять людей. Причем лечил он самые тяжелые болезни. И даже тех больных, от которых отказались все другие врачи, Захария умел вылечить.

Но брался не за всех. Иным сразу говорил:

– Душа у тебя такая черная, что мне уж ее и не вытянуть

самому. За грехи конец тебе в муках дан.

– Но я хочу жить!

– Обратись к Спасителю, – невозмутимо советовал Захария. – Только он тебе теперь и поможет.

И напрасно пациент пытался ему объяснить, что уж коли он за всю свою жизнь не удосужился этого сделать, то и теперь ему нечего начинать, отец Захария ничего в ответ больше не говорил, уходил к себе и затворялся до тех пор, пока этого пациента не увозили прочь. Мог просидеть так взаперти несколько часов, день, а один раз так даже сидел целую неделю, не принимая ни еды, ни воды, но вышел, как только пациент махнул рукой на упрямого старика и уехал восвояси.

– Не дотянет он до города, – сообщил Захария своим прихожанам, собравшимся у моельного дома, и осуждающе покачал головой. – Ох, и упрямый он. Сколько времени меня выкурить пытался и теперь в покое не хочет оставить! Тут будет похоронен, в двадцати верстах от нас.

Его слова вспомнили через день, когда оказалось, что пациент скончался по дороге, и его машина, потерявшая управление, врезалась на полном ходу в грузовик. Родственников, желающих заняться его похоронами, у погибшего не нашлось, и поэтому похоронили беднягу на одном из местных кладбищ.

А Захария после этого случая больше месяца ходил с таким видом, словно отбивался от чьих-то невидимых остальных нападок. Иной раз он даже тряс головой и твердил:

– Уйди ты, постылое семя! И когда же тебя только черти от меня заберут?

И лишь на сороковой день после случившегося он наконец повеселел и даже устроил внеочередное собрание, где разразился долгой и обличительной речью в адрес тех, кто тратит отпущенное им на земле время на пьянство, безудержный разгул и веселье. Для кого он произнес эту речь, прихожанам опять же осталось непонятно, потому что стараниями самого отца Захария в Зубовке давно уже спиртного и в рот не брали, а про разгул и веселье тут лишь слышали. Да и эти рассказы считались в поселке греховными.

Но каким бы чудаком ни был отец Захария, никто не мог упрекнуть его в том, что он присваивает себе доходы общины или как-то иначе способствует личному обогащению или обогащению своей собственной семьи. Жил отец Захария скромно, а всю получаемую с полей и фермы прибыль честно делил между нуждающимися в помощи и поддержке. И тут единственным мерилom его щедрости была праведность самого просящего. Отец Захария был нетерпим к грешникам, не делая в том снисхождения и своим собственным отпрыскам.

Потому что у отца Захария, как у ветхозаветного священника, была семья – жена и многочисленное потомство. Сыновей у отца Захария было семеро, а дочерей на одну больше. Таким образом, он надежно обеспечил своему роду продолжение. Всех сыновей и дочерей отец Захария уже пере-

женил, дал им дома и помог обустроить собственное хозяйство. И оставалось ему женить всего одного последнего своего сына.

Того, кто должен был остаться со стариком отцом и унаследовать его власть. Но также и того, который менее других был покорен отцовской воле, предпочел крестьянской жизни, покою и молитвам грешную и суетную городскую жизнь. И вот теперь младший сын возвращался, причем не один, а с невестой, которую ему отец не выбирал и про которую сын соизволил лишь сообщить, что ее зовут Анастасия и что они живут вместе уже пять лет, а теперь собираются наконец узаконить свои отношения.

Новость эта стала для отца Захария шокирующей. Нет, не о такой невесте мечтал он для своего сына. Не такую невестку ждала в дом его жена. Чужачка, склонившая их мальчика к блуду и греху, вот кем была будущая невестка в глазах этого почтенного, но, к сожалению, слишком сурового к недостаткам и грехам других человека.

Собираясь на знакомство с семьей своего мужа, Настя здорово нервничала. Все-таки увидит она их в первый раз. Как-то они к ней еще отнесутся? Ясности в этом вопросе никакой не было. Да и ехать к ним приходилось именно Насте, а значит, она заведомо окажется в невыгодном положении, перейдя играть на чужое поле.

– Обычно родня из провинции норовит в город выбраться,

а у нас все наоборот получается, – жаловалась Настя своей двоюродной сестре – Лесе. – Ой как мне не хочется ехать в эту их Zubovku, если бы ты только знала!

– Боишься?

– Боюсь, – честно призналась Настя. – Уж наслышана я об их диких порядках. Лешка и то через это дело от своих родителей в город удрал. А теперь вот едем, обещали уже, ждут нас.

И, схватившись за голову, Настя вновь застонала:

– Как подумаю, что надо ехать, в животе прямо холодно становится. И тошнота к горлу подкатывает.

– Тошнит – это нормально. То есть не нормально, конечно, но в первом триместре такое случается.

Настя была беременна не первый раз, и сейчас она кивнула, соглашаясь:

– Да, сейчас у меня уже третий месяц. И тошнота стала заметно меньше. А как меня в первые дни выворачивало, даже вспоминать не хочется. Но сейчас-то меня тошнит не поэтому, а от страха. Я отца Лешкиного очень боюсь.

Лешей звали Настиного жениха, приятного, веселого и работающего молодого человека, который за эти годы всем пришлось ко двору, вот только его отец...

– Отец у него с конкретным задвигом, – жаловалась Настя. – Я даже не знаю, как он отреагирует на то, что мы уже давно живем вместе, а его благословения на то даже и не спросили.

– Вас Бог за него благословил, – улыбнулась Леся, кивая на плоский еще Настин живот, в котором тем не менее уже активно рос и развивался ребенок. – И разве дед может не обрадоваться будущему внуку или внучке?

– Ох, ты его просто не знаешь! Лешка говорит, если отец осерчает на кого шибко, так он и убить может.

– Убить? Что? В прямом смысле?

– Да.

– И многих он так положил? – невольно насторожилась Леся.

– Мне Лешка про двоих рассказывал. Но, возможно, есть и другие жертвы.

– И такой тип до сих пор на свободе?

– Так ведь доказательств никаких нету. Те люди от болезни умирали.

– Ах, от болезни! – с облегчением произнесла Леся. – Значит, твой будущий свекр к этому отношения не имеет.

– Нет, имеет! – упрямо произнесла Настя. – Это он их проклял, они и умерли.

– И кто это был?

– Одна женщина и один мужчина, которые посмели вслух хулить Бога и сомневаться в его силе. Вот отец их и проклял. И знаешь, кто были эти люди?

– Кто?

– Женщина – была родная сестра Лешки, а мужчина – один из зятьев старика, муж другой его дочери.

– Близкая родня.

– Так он и их не пожалел. Проклял и из деревни выгнал. А на проповеди в тот день сказал, если сгнила одна ветвь, отсеки ее, дабы она не заразила своей болезнью все дерево. И что проклятым не жить, и чтобы никто не смел им помогать. В итоге сестра Лешки ушла из жизни через два месяца. А мужчина продержался чуть больше, но тоже долго не протянул.

– Это просто совпадение, – пожалала плечами Леся, которая не верила в такого рода вещи. – То есть, может быть, раньше и случались такие сильные проклятия, а сейчас люди измельчали и проклятия их тоже жалкими сделались.

– Только не проклятия этого старика, – покачала головой Настя. – Лешка говорит, отец очень суровый. И я боюсь, боюсь к нему ехать! Вдруг я ему не понравлюсь?

– Да с чего ты ему не понравишься-то? Сына его ты обожаешь. Внука ему скоро родишь. В чем проблема-то?

– А Ванька? – спросила Настя шепотом. – Ты не забыла про Ваньку-то?

Ванькой звали старшего Настиного отпрыска, которому в этом году сравнялось уже восемь лет и который никак не мог решить, кого он хочет больше, чтобы принес ему аист. Братика или сестричку? По этому поводу Ванька исписывал своими каракулями бесчисленное количество писем к аисту, почти ежедневно меняя свое желание. И если бы где-нибудь существовал такой аист, который разносил бы по адресатам

младенцев, то он давно бы уже сбился со счета и махнул крылом на такого непостоянного мальчишку, и вовсе никого бы Ванькиным родителям не принес.

– Ваньку мне, конечно, очень страшно с собой брать. Но так будет порядочнее. Если этот старикан такой благонравный, пусть уж он поймет, что я играю честно. Но сразу же предъявить ему Ваньку как своего сына я тоже не могу, боюсь гнева старика. И поэтому так решила, пусть старик сначала свыкнется с моим присутствием у него в поселке. А когда он поймет, что я человек хороший, верный, тогда я ему и скажу про Ваньку.

– Ну да, когда старик тебя полюбит, тогда и на наличие у тебя ребенка он закроет глаза.

– Да и не буду я Ваньку прятать, лучше... Лучше я тебе его отдам!

– Мне? – неприятно поразилась Леся. – Как это мне? Ребенка? Живого ребенка?

– А что? Ты не согласна?

– Нет, я... как бы тебе это помягче выразиться... У меня пока что есть опыт только с кошками.

В доме у Леси жили две кошки – Фантик и Фатима. При чем Фатима считалась собственностью Леси, а вот Фантик принадлежал ее подруге – Кире. И если обращению с кошками Леся была хорошо обучена, то дети оставались для нее тайной за семью печатями.

И сейчас Лесю здорово напугала просьба ее двоюродной

сестры.

– Я не очень хорошо разбираюсь в детях. И понимаешь, твой Ваня, он очаровательный малыш, вот только ни тебя, ни меня он не слушается. Единственный, кого он хоть немного уважает, это твой Леша. Но я так понимаю, что Лешка едет с тобой?

– Разумеется, – нахмурилась Настя. – Значит, не возьмешь Ваню к себе?

– Ни в коем случае!

Леся была так тверда, потому что, собираясь к сестре в гости, была предупреждена подругой:

– Ни в коем случае не приглашай ее малолетнего разбойника к нам. Даже на день, даже на час!

Но Настя хмурилась недолго. Внезапно ее лицо просветлело, и она воскликнула:

– Слушай, сестричка, а если ты поедешь с нами?

– Зачем это?

– Ну, вроде как ты моя сестра, а Ванька – это твой ребенок. Получается, мой племянник.

– Зачем это? Ты же хотела сказать старику правду.

– Но не прямо же в лоб. Нельзя так травмировать психику пожилого человека. А как я придумала, так очень хорошо получится и Ванька при нас с Лешкой будет, и старик ни о чем не догадается.

Леся не считала, что такой обман – это хорошо. Не с этого надо начинать знакомство с родителями будущего супруга.

Но Настя вцепилась в нее, словно клещ.

– Умоляю! Поедем! С тобой мне ничего не страшно! И Ванька будет при мне. А то когда он где-то далеко, я всегда за него беспокоюсь. Ты права, он такой шубутной, за ним кроме меня никто не сможет углядеть. Поедем, а?

– Но я не могу. У меня ведь Эдик... Как он на это посмотрит?

– Бери с собой и Эдика тоже!

– Ну, я даже не знаю, – промямлила Леся, которой, откровенно говоря, не хотелось ехать никуда, а особенно в гости к суровому и такому странному старику.

Однако придумать отходной маневр она тоже не успевала. И поэтому лишь пробормотала:

– Я поговорю с Эдиком...

К удивлению Леси, ее жених отнесся к предстоящей поездке с удивительным воодушевлением.

– В деревню? На торжество в честь Лешки и Насти? И ты еще спрашиваешь, поеду ли я? Конечно, и с удовольствием!

– Но это не совсем обычная поездка.

– Понимаю, в конце церемонии знакомства состоится свадьба.

– Кто говорит о свадьбе? Пока еще рано о ней упоминать. Свадьба состоится лишь в том случае, если невеста пригласится старику. А у Насти на этот счет есть сильные сомнения.

– Какие тут могут быть сомнения? Настя – беременна. Лешка жаждет на ней жениться. Какие, к черту, тут сомне-

ния?

– Сомнения могут возникнуть у старика, когда он узнает о том, что у Насти есть еще и старший ребенок – Ванька.

– Ванька – чудный малыш, – произнес Эдик, впрочем, уверенности в его голосе поубавилось. – Дед его обязательно полюбит, как родного. Ну, со временем точно полюбит.

– Ага! – фыркнула Леся. – Особенно, когда Ванька подожжет ему курятник, напустит в кровать жуков или вздумает поиграть с самым стариком в доктора? Помнишь, как он изображал санитаря из морга перед дядей Толей, который неосмотрительно задремал после обеда на диване? Бедный дядя Толя, у него до сих пор остался шрам на том месте, где Ванька ему собирался вскрытие делать.

– Да, хорошо, что он ему сухожилие не рассек, только кожу порезал.

– Но Ваньке тогда три года было, не забывай. А сейчас он здорово подрос и возмужал. Так что можно ждать от него фокусов посерьезнее. Настя мне рассказывала, что ее каждую неделю вызывают в школу, а бывает, что даже по два или даже по три раза. Она с этим своим Ванькой совсем измучилась. Да и Лешка, если честно, тоже уже не знает, что делать с мальчишкой.

И выдержав для нагнетения драматизма нужную паузу, Леся добавила:

– И вот этого ребенка Настя хочет всучить нам с тобой!

– Как это нам? – оторопел Эдик.

– А вот так! Она говорит, что боится представить своего сына Лешкиному отцу. И хочет, чтобы мы поехали с ней и вели себя так, словно Ванька – это наш с тобой сын.

Эдик значительно скис. И предстоящая поездка уже не казалась ему такой уж заманчивой. Возможно, они бы с Лесей вдвоем что-нибудь придумали, нашли повод, чтобы отказать от поездки, но тут на кухню вошла Кира – лучшая подруга Леси, с которой они на паях когда-то купили коттедж в пригородном поселке «Чудный уголок», в котором теперь проживали вчетвером, а если считать еще и кошек – Фантика и Фатиму, то вшестером.

Жили они парочками. Леся и ее Эдик, Фантик и его Фатима, а также Кира и ее Лисица, получивший свое прозвище за способность выкручиваться из самых щекотливых ситуаций без видимого вреда для собственной шкуры.

– О чем разговор? – поинтересовалась Кира, налив себе кофе и присев рядом с друзьями.

И узнав, в чем проблема, немедленно воскликнула:

– Конечно, мы все должны поехать с Настей!

– Все? Мы? Да еще должны?

– Сама посуди, если старикан такой деспот, как о нем рассказывает Лешка, то он запросто может Насте ляпнуть что-нибудь обидное. А она беременна. Ей лишний стресс ни к чему.

– Лешка ее сумеет защитить.

– Лешка? – фыркнула Кира. – Не смеши меня! Лешка, ко-

нечно, славный парень, но он чуточку бесхребетный. Настя им крутит, как хочет, но это пока не появился авторитет покруче. Нет, я просто уверена, мы должны поехать с Настей к ее будущему свекру и посмотреть, что там за пророк такой выискался.

– А Ванька?

– Ваньку тоже возьмем с собой. Что мы вчетвером пару часов с одним мальцом не справимся? Быть такого не может!

Но как показало ближайшее будущее, этот оптимизм Киры был несколько преждевременным. И если бы девушка могла знать, какие испытания и трудности выпадут всей их компании в поселке Зубовка, то она бы никогда не поехала туда сама и своих друзей тоже бы за собой не потащила. Но сейчас Кира так разохотилась, что даже побежала заказывать через Интернет книжки по педагогике.

– Надо ведь знать, каким оружием лучше всего сражаться с неуправляемым Ванькой.

– Мне эта затея не нравится, – предупредила Леся подругу.

Но Кира и слышать ничего не хотела и возразила:

– Ерунда! Натренируемся на Ваньке, а там и своих деток заведем. Давно уже пора этим делом заняться.

Когда она ушла, Эдик посмотрел на Лесю и озабоченно произнес:

– Ты тоже считаешь, что нам пора завести своих детей?

– Давай сначала посмотрим, что у Киры получится, –

осторожно ответила ему Леся.

Эдик успокоился и задумался уже совсем о другом:

– Надеюсь, что старик не сечет детей.

– Еще чего не хватало!

– А иначе Ваньке может от него здорово достаться.

– Насилие в воспитании недопустимо! – твердо произнесла Леся, которая на тот момент действительно именно так и думала.

Поездка в Зубовку была назначена на пятницу. И уже с самого раннего утра весь коттедж в буквальном смысле стоял на ушах, а Леся начала подумывать о том, что гуманные методы воспитания детей не для всех них подходят. Ванька был каким-то сгустком энергии. Причем энергии злой и разрушительной, оставляющей за собой сплошные руины. Он умел находиться сразу в нескольких местах. То его голос слышался из подвала, а вот он уже на кухне, там что-то гремит и падает, а сам Ванька уже грохочет своими тяжелыми ботинками, поднимаясь по лестнице на второй этаж, и там тоже что-то тяжело ухает, кажется, старинные часы с маятником.

– Ну и мальчишка, – со вздохом призналась в собственном бессилии Кира, которая с самого утра пыталась воздействовать на Ваньку различными педагогическими методами, вычитанными ею в книгах, да так в том и не преуспела.

– Сущий кошмар!

– И как только мать с таким справляется. Он у нас всего несколько часов, а у меня от него уже голова раскалывается.

Настя с женихом уехали еще рано утром. Но у Лисицы и Эдика были еще кое-какие дела в том ведомстве, название которого люди до сих пор избегают произносить вслух громко, и где ребята работали вот уже который год. И сегодня им предстояло закончить работу около полудня, во всяком случае, так они сказали своим подругам. Но потом что-то их задержало на работе дольше назначенного срока. И поэтому, когда в начале четвертого они сообщили Кире с Лесей о том, что скоро подъедут за ними к дому, подруги были уже близки к обмороку. Ванька разгромил все, что можно было разгромить. Уронил, перевернул и разбил все, до чего дотрагивались его ручонки. А что не смог окончательно уничтожить, просто переставил и запрятал так, что искать можно было много дней подряд, да так и не найти.

Он успел поиграть в Робокopa, повоевать с десептиконами и обуздать Человека-Паука, который вдруг принялся, по версии Ваньки, творить зло в мире.

– Тетя Кира, что вы делаете?! – возмущался ребенок, когда не менее возмущенная Кира выпутывала из клейкого скотча своего любимца Фантика. – Это же приманка, как вы не понимаете?

Фантик, едва только Кира сумела освободить его морду от липкой пленки, завыл не своим голосом и попытался бежать. Фатима находилась тут же, но хранила молчание, ее мордоч-

ка все еще была стянута полосками скотча.

– Ты поступаешь жестоко с бедными животными! – пыталась вразумить мальчишку Кира. – Наши кошки уже старенькие, а ты их мучаешь!

– Отдайте мне кошек!

– Даже и не подумаю!

И если сначала подруги хотели взять кисок с собой в Зубовку, полагая, что пребывание в деревне пойдет им только на пользу, то теперь они свое мнение изменили и быстро отнесли обеих кошек к тете Наташе – генеральше и их соседке. Потому что за несколько часов плотного общения с Ванькой они успели понять одну истину: подальше от Ваньки положишь, поближе потом возьмешь.

Впрочем, оставить мальчика одного дома они все же не рискнули. И Ванька тоже отправился с ними, утверждая, что будет им вместо эскорта на случай внезапного нападения враждебного племени марсиан.

У тети Наташи он поочередно разбил две вазы, перевернул новенькую плазменную панель, отчего она покрылась неприятными квадратиками, а затем еще и сам свалился со стула, после чего тетя Наташа выставила всех троих из своего дома с таким напутствием:

– Кошек ваших возьму к себе на выходные, а маленького сатану заберите от меня, сделайте такое одолжение!

И подруги, которые вначале еще пытались протестовать и чем-то занять неугомонное дитяtko, для чего ими были куп-

лены пазлы, книжки и даже диски с компьютерными играми, под конец сдались и предоставили Ваньке самому себя развлекать. В принципе, у него это неплохо получалось. К самым подругам он не приставал, не ныл, не хныкал. Большой и незнакомый дом полностью поглотил мальчика. Аппетит у Ваньки тоже оказался отличный. Прямо на ходу, двигаясь из сада на чердак, он проглотил миску наваристого густого горохового супа, который, по утверждению Леси, следовало обязательно доесть перед отъездом.

И все же, когда возле дверей раздался гудок машины Лисицы, означавший, что мужчины прибыли, подруги не смогли сдержать облегченного вздоха. Быстренько запихав в машину все еще оживленного сверх всякой меры Ваньку, который сжимал в руках какую-то металлическую штуку, подруги заявили о своей готовности ехать. В присутствии мало-знакомых ему мужчин Ванька заметно притих. А когда Эдик поинтересовался, что это у него в руках за штуковина, Ванька и вовсе смутился.

– Это, дяденька, так... – пробормотал он неловко и попытался спрятать под себя металлическую штуку.

Но Эдик уже заинтересовался и почти силой извлек из-под попы мальчишки тот предмет, который Ванька от него прятал.

– Это же моя катушка от спиннинга! – ахнул Эдик. – Вот шельмец! Кто тебе позволил ее брать?

– Дяденька Эдик, не сердитесь! – захныкал испуганный

Ванька. – Мне папа сказал, что у деда будет рыбалка отличная. У него там прудов очень много выкопано. А в них и карп, и окунь, и всякая красная рыба плавает. Лови, сколько хочешь. Но у папы удочки нет. Он сказал, что можно ее из палки сделать, только катушка нужна, а купить уже не успеем. Вот я и запомнил его слова, а когда увидел, то взял вашу катушку.

Услышав про рыбалку, Эдик немного утих. Ругать Ваньку за испорченный спиннинг он больше не стал, вместо этого лишь легко пожурил его:

– И все равно, брать без спроса чужое – это нехорошо.

– Так я же не насовсем. Я бы вам ее обязательно вернул.

Эдик с интересом взглянул на мальчика.

– Скажи, а как же ты ее снял?

– А чего там? Повертел, покрутил и снял. Ничего не сломал даже.

– Ну и ну, – покачал головой Эдик. – А ты хозяйственный, как я погляжу, парень.

Ванька польщенно засопел носом. Но катушку из рук так и не выпустил. Ехал, сжимая ее в испачканных чем-то липким пальчиках, пока не заснул. Но подруги и не думали будить ребенка. Дорога была неблизкой, ехать нужно было больше двух часов. Можно было и вздремнуть, ведь и они сами порядком утомились от шустрого Ваньки, мамаша которого сейчас устраивала свою судьбу и, наверное, здорово радовалась возможности хоть немного отдохнуть от сыноч-

ка.

Глава 2

Деревня Зубовка даже издалека производила впечатление особенного поселка. Если частенько дома в деревнях и селах, которые по дороге проезжали подруги, стояли покосившиеся, с облупившейся краской или запущенными палисадниками, то в Зубовке подобного безобразия не наблюдалось вовсе. Все домики были ровные, чистенькие и гладкие, как на подбор. Дорожки, цветочки, скамеечки. Аккуратно одетые мужчины и женщины. Причем женщины все поголовно в длинных юбках и обязательно с платками на головах. А мужчины умытые, ни одного пьяного или просто навеселе не встретилось. Все смотрят строго, хотя и благожелательно.

Настя вышла встречать их вместе с Лешкой.

– Как мы вам рады! Позвонили, что выезжаете уже четыре часа назад, а все нету и нету. Что же вы так задержались?

Этот вопрос все предпочли оставить без ответа, потому что иначе пришлось бы рассказать, как Лисица заблудился, сначала не туда свернул, а потом битых полтора часа мотался по округе, твердя одну и ту же фразу:

– Мы едем в нужном направлении.

И напроць отказываясь прибегнуть к помощи навигатора.

– У меня у самого в мозгу навигатор!

В результате они проехали несколько раз мимо нужного им поворота. И лишь после того, как им встретился какой-то

местный старичок, они сумели выбраться на нужную дорогу и наконец доехать до Зубовки.

Ванька к этому времени совсем проснулся и, позабыв, чей он теперь сын, кинулся к Насте:

– Мама!

Леся успела перехватить его уже в воздухе.

– Сынок! – прижала она его к себе. – Не сообразил спросонок, где твоя мама. Вот мы и приехали!

Она не знала, какие аргументы использовала Настя, чтобы заставить сына притвориться чужим ребенком. Возможно, представила все в виде игры. Но так или иначе, а Ванька быстро сообразил, что чуть было не совершил ошибку. И в целях реабилитации так стиснул шею самой Леси, что та чуть было не задохнулась с не привычки. Для своих лет Ванька был очень сильным мальчиком. Вздумай он в заправду воевать против марсиан, тем бы пришлось не сладко.

Прибывших гостей встречали всем поселком. Лешку тут хорошо помнили и любили. Несмотря на то, что в последнее время он бывал здесь от силы два раза в год, его все по-прежнему считали своим. Насте тоже досталось от той любви, которую окружающие питали к ее жениху. Молодые женщины, да и не молодые, а очень даже пожилые, окружали ее сплошной толпой, так что ей даже не удалось толком подойти к приехавшим гостям. Она лишь улучила минутку, чтобы шепнуть Лесе:

– самого старика мы еще до сих пор не видели!

И ее тут же с песнями увели прочь. Молодые женщины явно приняли Настю к себе в подруги, хотя касаться ее, как заметила Кира, отчего-то избегали. Лицо Насти показалось им с Лесей озабоченным. Но, с другой стороны, это и не удивительно, ведь они с Лешкой тут с самого утра, а сейчас уже вечер, а главное лицо в поселке так и не соизволило выйти на улицу, чтобы приветствовать сына и будущую невестку.

Но вокруг было столько нового и интересного, что Леся быстро отвлеклась от своих мыслей и завертела головой по сторонам. Множество незнакомых лиц. Мужчины почти все бородатые, некоторые из них и вовсе необычные – с длинными волосами, одетые в непонятные белые одежды. Взгляд отрешенный, хотя в толпе стоят вместе с другими, но смотрят куда-то в себя. В руках у каждого что-то находится. У одного четки, у другого посох, третий держит пастушескую дудочку. Кто это такие? Пастухи? Монахи? Артисты, которых пригласили для участия в свадебной церемонии или просто для знакомства с невестой?

Леся затруднялась с ответом. Но остальные жители не обращали на странных людей в белых простынях ровно никакого внимания, хотя и старались все же держаться от них подальше. Однако отходили не с поспешностью, а с каким-то тактом, словно не хотели отрывать людей от важного занятия. Так что Леся сочла одетых в белые простыни всего лишь безобидными чудаками, своего рода ряжеными. О том, как сильно она заблуждалась, ей предстояло узнать лишь позд-

нее.

– Ой, а Ванька-то! Где же Ванька? – спохватилась она. – Куда он делся?

Но Леша, который стоял поблизости, быстро ее успокоил:

– Не переживай, он уже с местными мальчишками познакомился. Вон они там играют.

Леша взглянула в ту сторону и увидела, как Ванька с радостным лицом возится в пыли вместе с другими ребятами, которые самодельным кнутиком гоняли заточенный книзу цилиндрик – чижа. Судя по визгам и смеху, ребята уже успели полюбить своего нового друга.

– Пойдемте, я покажу вам дом, – произнес Леша, потянув друзей за собой.

– Дом?

– Отец распорядился, чтобы нам для ночлега выделили дом. Он большой, там хватит места для нас всех. И Ванька будет с нами, так лучше для всех нас.

Вопреки собственным словам, выглядел Лешка далеко не радостно. Было заметно, что он сильно озабочен и ему во многом не нравится то гостеприимство, которое оказано его невесте.

Но сам дом оказался добротным, сложенным из громадных бревен. В нем было три спальни, современная кухня с газовой плитой и одно общее помещение, которое могло быть и столовой, и гостиной, и даже молельной комнатой, потому что в красном углу перед лампадкой тут находилось

множество икон.

– Уф! – выдохнул Лешка, когда они все оказались внутри дома. – Устал я чего-то сегодня. Как с самого утра приехали, так и закрутилось. Бабы Настю схватили, по домам потащили. Меня мать к себе позвала, братьев, всю другую родню рядом со мной усадила, начала меня о невесте расспрашивать. Что да как, просто допрос мне устроили.

– Но отца ты еще не видел?

– Он в молельном доме затворился.

– И что он там делает?

– Как это что? – удивился Лешка. – Молится, с Господом общается. Насчет меня совета спрашивает.

– А чего тут спрашивать? Все ведь предельно просто. Выждете ребенка, вам необходимо пожениться.

– Это для вас просто, а для отца любое решение в жизни – это прежде всего повод, чтобы посоветоваться с его любимым Богом. Я ведь его младший сын, по нашему обычаю, именно мне надлежит остаться в родительском доме и заботиться о моих родителях до самого их конца. Таков долг младшего сына. Старший, первенец – всегда назарей.

– Кто?

– Потом объясню, – отмахнулся Лешка. – Средние сыновья живут своими домами. А младший сын остается с родителями. Перед тем как я уехал в город, отец мне уже и невесту присмотрел. А я жестоко его разочаровал. Сын пророка и вдруг поступил не так, как должно. Думаю, отцу нелегко

было смириться с тем, что я сделал собственный выбор, не пожелал смириться перед ним, как другие.

– Но ведь твой отец в конце концов тебя простил?

– Да. Но думаю, он до последнего не терял надежды построить меня за выбранную им невесту и заставить осесть дома вместе с ним и с той девушкой, которая устраивала бы его в качестве матери его будущих внуков.

В голосе Лешки слышалась и тоска, и раздражение, и даже злоба. И чтобы отвлечь его, Кира спросила:

– Скажи, а кто те люди с длинными волосами и в белых одеждах, которых мы видели.

– Это назареи.

– Кто они такие?

– Первенцы, которых родители посвятили служению Богу. Им не поручают никакой работы, в свободное время они лишь могут пасти скот или заниматься земледелием для собственного удовольствия. Их основное занятие – прислуживать отцу и нести караул в молельном доме.

– Какой караул?

– Когда отец удаляется для молитвы, над домом молитвы зажигают белый огонь. Все в поселке видят его и знают, что отец молится за них всех.

– И назареи ему в этом помогают?

– Всякая другая работа им запрещена.

– А почему у них длинные волосы?

– Они их не стригут.

– Никогда?

– С самого рождения. И бород тоже никогда не бреют.

– Но моются?

– Это да. Для них отец разработал особый очистительный ритуал. Очень сложный и долгий. Так что ежеутреннее и ежевечернее омовение в чистой проточной воде рук, ног и лица входит в обязательную программу каждого назарея.

Кира хотела расспросить еще о многом. Можно ли этим людям жениться? А общаться с другими людьми? Петь? Веселиться? Или же вся их жизнь – это сплошная молитва и размышления о Боге? И чем тогда они отличаются от обычных монахов?

Но в этот момент в дверь влетела раскрасневшаяся Настя. При виде невесты Лешка тоже вскочил на ноги. И вдвоем они с трудом выпихнули обратно на улицу нескольких особенно настырных теток, захлопнули за ними дверь, и Настя буквально упала на диван.

– Уф, достали! – просипела она, с отвращением срывая с головы платок. – Как же их много! А где Ванька?

– Играет с другими ребятами.

Настя тут же забыла про сына. Она огляделась по сторонам и выразила одобрение:

– Очень хороший дом.

– И совсем новый, – заметил Лешка. – Его построили всего пару лет назад.

– А кто тут живет? – заинтересовалась Кира.

– Мы.

– Ну, это сейчас. А вообще?

– Никто.

– Как это?

– Этот дом предназначен для гостей.

Какое-то непонятное сомнение царапнуло Киру, и она спросила:

– Так было всегда?

– Наверное.

Лешка явно не хотел говорить на эту тему. Он повернулся к Насте и сделал вид, что занят разговором со своей невестой. Но Кира, когда ей что-то нужно было выяснить, начисто забывала про правила хорошего тона.

– А кто принес сюда иконы? – затеребила она Лешку. – И мебель? И все вещи? Не похоже, чтобы тут была гостиница, больше похоже на жилой дом.

– Да какая вам-то разница? – неожиданно вскипел Лешка. – Вы сегодня приехали, послезавтра уедете. Всего-то и надо, что две ночи где-то переночевать! Чего вы ко мне пристали?

Было в его всплеске что-то неладное, как будто бы он знал правду об этом доме, но не хотел открывать ее друзьям. Но в то же время Лешка понимал, что просто отговориться незнанием он не может. Ведь он регулярно навещал своего отца, а значит, не мог не видеть, как возводится, а потом и заселяется этот дом.

– Ты чего это кричишь? – удивилась Кира. – В моем вопросе не было ничего дурного.

И отведя глаза, Лешка быстро пробормотал:

– Изначально как гостиница этот дом был предусмотрен. К нам самые разные люди приезжают, не всегда бывает удобно поселить их к семейным людям в их дом. Ну, молодой мужчина не всегда приятен в доме, где живет молодая незамужняя женщина. Чистота нравов для отца очень важна.

Кира пожалала плечами. Во-первых, домов в поселке предостаточно, почти две сотни. Для того чтобы поселить нечасто-го гостя, вполне могут найти какую-нибудь пожилую бездетную семью, представители которой еще достаточно крепки телом, так что будут только рады небольшому разнообразию в своей жизни в виде гостя. И вообще, строить целый дом со всеми подсобными помещениями, в том числе и для скота, разбивать на заднем дворе огород, копать картофельные грядки, которые, пусть и заросшие, но все еще находились перед окнами, это было довольно странно.

– Под гостиницу больше бы подошло помещение с отдельными номерами, закрывающимися на ключ. А тут двери даже без замков.

– Среди нас воров нету!

– Но ведь в гостинице останавливаются и приезжие.

– А кто, кстати, сюда приезжает? Судя по тому, как радостно нас встретили местные жители, гости тут большая редкость.

Это заинтересовался уже Лисица. Кира, почувствовав поддержку, приободрилась. А вот Лешка, наоборот, скис.

— Ну, вы же приехали, — пробурчал он. — И другие приезжают. По разным надобностям, в гости к родственникам.

В гости к родственникам, так могли бы у родственников и пожить.

— А почему вы-то с Настей тут? — спохватилась Леся. — В гостевом доме? Почему ты не остановился у своих родителей?

Лешка окончательно расстроился. Но деваться ему было некуда, на него напирали со всех сторон, да еще Настя смотрела весьма требовательно, и он ответил:

— Отец пока не дал мне своего благословения.

— На что?

— На то, что я могу ввести Настю в его дом.

— Бред! — вспыхнула от возмущения Леся. — Что за средневековые выходки?

— Ты не можешь войти в свой собственный дом, потому что твой отец не одобрил пока что твоей невесты?

— В этом весь мой папаша, — грустно улыбнулся Леша. — Я вас предупреждал о нем. И я до последнего не хотел знакомить с ним Настю. Могли бы тихо пожениться, отец ничего бы и не узнал.

Но теперь уже возмутилась Настя.

— Да что ты такое говоришь, милый! — воскликнула она. — Как это наш ребенок и вырос бы без дедушки и бабушки! Это

же непорядочно в отношении них. Независимо от того, как твой отец сейчас отреагирует, он имеет право знать, каков твой выбор.

В глазах Насти явственно читался вызов. Она не собиралась позволить своему мужчине играть на два фронта. Он должен быть либо с ней целиком и полностью, вплоть до разрыва со своими родителями, либо порвать уже с ней. Настя знала, чего боялась. Ее первый муж был полностью зависим от мнения своей авторитарной мамочки. И хотя он все же под давлением обстоятельств женился на Насте, так сказать, прикрыл их общий грех – ребенка, но ужиться с ним Настя не смогла. В личную жизнь молодых супругов постоянно вклинивалась дражайшая свекровь, которую Настя начала ненавидеть до такой степени, что под конец ее трясло от одного звука шагов приближающейся свекрови.

Та, в свою очередь, Настю невзлюбила с первого взгляда. И все-то ей было плохо, и все не так в невестке. Слова свекровь цедила сквозь зубы, никогда не улыбалась Насте, не говорила ей ничего хорошего. Обращалась с ней как с прислугой и даже хуже, ведь никаких денег Настя за свою тяжелую работу не получала, а значит, жила на иждивении супруга, который не стеснялся ее этим же и попрекать.

И Настя пришла к выводу, что надо собирать манатки, сына и уходить, если она хочет сохранить хоть каплю самоуважения. Она ушла, получила развод, стала строить новую жизнь. И вот ей посчастливилось повстречать Лешку, кото-

рый с успехом заменил Ваньке отца, возился с мальчиком, играл и занимался с ним, да еще и делал это куда старательнее, чем родной папаша, который быстро построил новую семью с новыми детьми и совсем забыл про своего старшего ребенка.

Всем окружающим казалось, что Настя в отношении Лешки слишком уж настороженно держится. Как говорится, обжегшись на молоке, она немножечко сильнее дула на воду.

– Лешка у тебя не то, что твой первый муженек. Он – нормальный парень. Может быть, чуточку мягкосердечен. Но тот – сразу же было видно, – что хлюпик и эгоист.

– Да, Лешка отличный, – соглашалась Настя. – Но ведь это сейчас. А ну, как после свадьбы его мамочка переберется к нам? Смогу ли я жить с ней? А со свекром? Пойми, я должна знать, какие это люди. Только тогда я по-настоящему пойму Лешку.

Отказать Насте в этом ее праве Лешка не мог. Хотя и выражал всем своим видом сомнение по поводу того, как поведет себя папаша.

– По телефону он со мной на эту тему разговаривать отказался. Буркнул: приезжай, мол, разберемся. Вот мы и приехали, а он к нам не выходит. И что делать теперь, я даже не знаю.

– Ничего, посидим, подождем. Твой папа часто так засиживается в моельном доме?

– Когда вопросы важные, то да. Но сейчас... тут ведь не

надо никакой сложной стратегии придумывать. Тут либо да, либо нет.

– Наверное, он просит Господа позволить ему судить праведно без личной неприязни.

– Ох, не пройдет наш обман, – внезапно ударился в панику Лешка. – Узнает он, что Ванька Настин ребенок.

– Кто ему скажет?

– Отец у меня прозорливец. Иной раз скажет такое, чего он ну никак не мог знать. А откуда узнал? Спросишь у него, он говорит, Ангел Господень сказал.

– И... и часто этот Ангел Господень к твоему папе приходит? – поежилась Леся, которой внезапно стало холодно и неуютно.

– Когда как, – отозвался Леша, но внезапно прервал разговор, насторожился и даже повернул голову в сторону окна.

Леся и остальные тоже прислушались. На улице явственно усилился шум. Слышались вопросительные и встревоженные голоса людей. Лешка поднялся со своего места и выглянул в окно. В ту же минуту лицо его побледнело, а кулаки сжались так сильно, что косточки на пальцах побелели.

– Кажется, началось, – прошептал он вполголоса. – Огонь погашен. Значит, отец вышел из молеального дома. Он сюда идет!

Голос Лешки стал совсем тонким и высоким. И оборвался он почти на визге. Все с удивлением посмотрели на него. Таким друзья Настиного жениха видели впервые. Кажется,

Лешка не шутил, когда говорил, что до смерти боится своего отца. И сейчас сын был близок к панике.

– Ну, не убьет же он тебя, – произнесла Кира, желая его подбодрить, но получилось только еще хуже.

Лешка кинул в ее сторону такой затравленный взгляд, что Кире стало здорово не по себе. Каким же монстром должен быть старик, чтобы так запугать своего собственного взрослого сына, заметьте, давно живущего отдельно от своих родителей?

Очень скоро Кира получила исчерпывающий ответ на свой вопрос. Дверь в гостевой дом внезапно распахнулась, и на пороге возникла огромная фигура. Отсвет заходящего солнца освещал его спину. Детали разглядеть было невозможно, один лишь светящийся силуэт в просторном развевающемся плаще или даже тоге. Вот только умиротворения от этого силуэта не исходило. А голос, когда он раздался, был гневным и даже угрожающим.

– Грешницу к нам в дом привел! – громко произнес голос. – Блудницу!

Все ошарашенно смотрели на это явление, раскрыв рты. О ком говорит старец? Кто блудница?

– Отец, – залепетал Лешка. – Это... это Настя. И ее родственники... и друзья.

Но голос гремел дальше:

– Блудницу ты в жены хочешь взять!

Все невольно затрепетали, но Лешка неожиданно сумел

взять себя в руки и почти твердо спросил:

– Ну что ты опять начинаешь? Я же тебе все объяснил. Мы с Настей уже много лет вместе. Мы хотим пожениться.

– Не пущу грешницу в свой дом!

– Что ты говоришь, отец? Настя очень хорошая.

– Замужем она была до тебя. И сын у нее есть, она его с собой привезла, он сейчас в грязи с другими пацанами копается.

Все окончательно оторопели. Вот это да! И как старик мог это узнать? Кто ему сказал? Ведь Лешка ему точно ничего не говорил, опасаясь еще больше настроить отца против своей невесты.

– Что смотрите? – неожиданно усмехнулся старик. – Удивляетесь?

Шагнув в дом, он неожиданно сделался совсем не страшным, а просто величественным и рослым. Лицо у него было открытое, взгляд прямой. И хотя чувствовалось, что это человек с очень сильной волей, но в то же время настоящей злобы или подлости в нем не было. Да и стремления подавить других ради собственного удовольствия тоже.

– Открытый другим сосуд ты себе взял, – укоризненно произнес он, глядя на сына. – Открытый и отпитый кем-то другим. Поэтому и говорю, блудницу ты в дом хочешь ввести. Да еще сын ее – чужая кровь.

– Отец, но все мы грешили.

– Верно, – кивнул старец. – Грешили. От самого первого

человека на земле все мы грешны.

Он долго смотрел на своего сына, но Лешка выдержал его взгляд. Тогда старик, взглянув на Настю, неожиданно очень требовательно произнес:

– Говори! Будешь моему сыну верной женой, покорной и любящей?

– Что?

– Отвечай мне правду! Хочешь видеть моего сына счастливым или предпочтешь, чтобы он сам тебя счастливой делал? Мечтаешь, чтобы он угождал тебе во всем и это считал своим счастьем? Так ты жизнь с моим сыном видишь?

– Нет, что вы! Я хочу, чтобы мы с Лешкой построили...

– Замолчи, – буркнул старик. – Сам все вижу.

Он делал руками странные пассы, приказывая всем умолкнуть.

– Так-то ты девка неплохая, но я уже говорил, другим человеком порченная. Хорошего внука от тебя уже не дождешься. Тот ребенок, что под сердцем носишь, девкой уродится. А более у тебя детей уж и не будет. А с другой стороны, что мне за беда? У меня и без вас полно отпрысков.

И повернувшись к Лешке, старик вполне мирно спросил:

– Ну, думай сам, наследства я тебя лишу, не отдам я наследства в чужую кровь, но на женщине этой можешь жениться.

– Так ты не против? – обрадовался Леша.

– Сказал уже.

– Тогда я выбираю Настю! Деньги мы с ней и сами зарабатываем.

Старик ничего не ответил. Он сосредоточенно о чем-то размышлял.

– Тогда в воскресенье свадьбу и сыграем, – произнес он. – Дольше тянуть нечего. А воскресенье – хороший день для свадьбы. Сам я вас и обвенчаю перед Богом.

– Хорошо, отец, как скажешь.

Лешка был явно обрадован тем, как все обернулось. А вот Настя как-то смутилась. Ей явно не хотелось, чтобы их венчал весьма странный папаша ее жениха. Но возражать она не осмеливалась, прекрасно понимая, как хрупок мир, который только что был достигнут между отцом и сыном.

– Ритуал провести надо, – произнес старик. – Очиститься вам обоим необходимо перед свадьбой. Особенно ей.

И он кивнул в сторону Насти.

– И после родов ты очистительной жертвы не приносила, и как от мужа ушла, грехом это не считала, прощения за то не просила. И сейчас ты потому еще нечиста, что с чужим женихом на постели валялась и от него забеременела без отцова благословения.

Глаза у Насти выпучились до такой степени, что подружки испугались, как бы они у нее вообще не вывалились. Терпение ее подошло к концу, и она явно намеревалась сказать нечто дерзкое этому старику, который с невозмутимым видом обвинял ее в греховности. За что она должна была про-

ситель прощения? И у кого? У него, что ли?

Но то ли слов у Насти было слишком много, и они создали на выходе пробку. То ли по другой причине, но она не издала ни звука кроме едва слышного тоненького шипения, какое бывает, когда в надутой шине образуется маленькое отверстие.

Однако старик не обращал на нее больше внимания. Он вновь смотрел исключительно на своего младшего, и надо полагать, любимого сына и говорил:

– Поэтому прежде, чем войти в мой дом, вы оба тут эту ночь переночуете. Я же нынче вечером облачусь в черные одежды скорби и буду за вас просить у Господа прощения. А завтра утром, если Господь милостив будет, к вечеру вы оба уже чисты станете. И я облачусь в свои белые одежды. И также чист буду.

– Ну... а мы? – произнес Лисица, отважно шагнув вперед. – Как с нами быть? Нам тоже нужно очиститься? Или как?

– А вы...

Старик лишь мимолетно скользнул по всей компании друзей взглядом.

– А вы в блуде как жили, так и дальше проживете. Мне до вас дела нет. На свадьбу можете остаться, милости прошу. А уж как вы дальше жить будете, в грехе или праведности, дело ваше. Помолюсь и за вас, чтобы духовное зрение в вас открылось хоть на мгновение, чтобы вы увидели мерзость, в

какой живете, ужаснулись содеянному и исправились.

И с этими словами Лешин папаша вышел из дома так же стремительно, как и вошел в него. И долго еще после его ухода в комнате висело молчание. Каждый пытался придумать что-нибудь достойное сего момента и не мог.

Глава 3

– М-да... – первым пришел в себя Лисица и, взглянув на Лешку, добавил: – Конечно, меня предупреждали, что отец у тебя со странностями, но чтобы настолько...

– Я даже и предположить не могла, как тут все запущенно, – поддержала его Кира.

– Скажи, а он всерьез во все это верит? – заинтересованно и в то же время сочувственно спросила Леся у Лешки.

Тот кивнул и прибавил:

– И не он один. Батя в свою веру весь наш поселок обратил. Когда он сюда пятьдесят лет назад переехал, Зубовка была самой обычной деревней. В ней тихо доживали свой век несколько пенсионеров, и имелась парочка местных пьяниц, которым все было по фигу. Молодежь и трудоспособные люди предпочитали выбираться в город. Там жизнь была чище, легче и веселей.

Отец Лешки приехал в Зубовку не один. С ним была жена – верная союзница и сподвижница, пятеро детей и двое братьев, у одного было на тот момент двое детей, у другого детей не было по причине слабости здоровья. Коренные жители Зубовки сначала не поняли, что с приездом братьев жизнь их круто поменяется. Но когда трудолюбивые братья, их жены и дети принялись облагораживать Зубовку, пришлось понять и принять происходящие перемены.

И надо сказать, что отцу Захариию, так называл себя самопровозглашенный глава поселения, и его двум братьям Иову и Илларию то ли по благословению Божьему, то ли по другой какой причине, но все удавалось. И по истечении некоторого времени поселок стало не узнать.

С годами число жителей общины увеличилось. Рождались дети. У самого отца Захария число детей возросло до тринадцати, что всеми жителями поселка рассматривалось, как некое особое Божье благоволение и несомненное подтверждение праведности самого Захария. Ведь еще с давних времен известно, что Бог благословляет плодovitостью и здоровьем только тех людей, кто строго следует его заветам. К трем братьям и их близким пристало еще некоторое число сподвижников, которые были согласны вообще не прикасаться к спиртному, жизнь вести праведную, не красть, не завидовать своему ближнему, на чужих жен не засматриваться, а из развлечений читать Библию и особенное внимание уделять Ветхому Завету.

Бог грозный и карающий нравился отцу Захариию значительно больше, чем Бог милостивый и всепрощающий. Поэтому изучению Пятикнижия Моисея тут уделялось особое внимание. Но и другие богословские книги были в большом почете. Из светской литературы здесь имелись лишь школьные учебники, да и на них отец Захария посматривал косо.

При желании Лешка с легкостью мог бы сдать экзамен по богословию и поступить в духовное училище или даже

академию, потому что с детства только и слышал, что священные изречения, но вот беда, ему такая жизнь была не по вкусу. Единственное, в чем отцу приходилось делать уступку существующему порядку в стране, так это в том, что он отпускал детей в школу, а юноши шли служить в армию. Некоторые возвращались назад, другие находили себе пристанище в большом мире. Однако процент «невозвращенцев» был мизерным. Из десяти ушедших юношей назад возвращались восемь-девять человек. В свою очередь, эти молодые люди женились, заводили собственных детей, начинали упорно трудиться, и их трудами и стараниями поселок Зубовка продолжал разрастаться и богатеть.

В этом друзья смогли убедиться и сами, когда после полученного «благословения» отца Захария решились пройти по поселку и его окрестностям.

Стояло лето, темнело поздно. Да еще и вечер выдался удивительно ясный, теплый и безветренный. Весь народ вышел из своих домов на улицу. К Насте уже все присмотрелись, теперь любопытство местных женщин вызывали Кира и Леся. Впрочем, если Настю они сразу же сочли своей, все-таки Лешкина невеста, то к Кире и Лесе они так бесцеремонно подойти не решались. Робели, поглядывали на них издали, но близко не подходили.

Однако когда друзья вышли за территорию поселка, небольшая толпа последовала за ними.

– Они всегда за нами следом будут ходить? – поинтере-

совалась Кира, которую эта непрощенная свита напрягала. – Как им объяснить, что мы хотим остаться одни?

– Боюсь, это невозможно. В поселке не существует такого понятия, как уединение, разве что за исключением уединения молитвенного. В остальном жизнь каждого члена общины должна быть насквозь прозрачна. Все знают все про каждого, скрывать людям нечего, ведь тут не грешат.

– И что же, – заинтересовалась теперь уже и Леся, – у вас совсем не случается преступлений?

– Нет.

– Не крадут, не убивают?

– Что вы! О таком мне даже слышать не приходилось. Был один пьяница, отец беседовал с ним много раз, но тот упорствовал в своем грехе. Поэтому в конце концов у отца лопнуло терпение, и он выдворил Никитку из поселка.

– Как это выдворил?

– Выгнал.

– Взял и выгнал?

– Да.

– И тот ушел?

– А что ему еще оставалось делать? Ушел, конечно, раз отец так ему велел.

– И кто теперь живет в его доме?

– Его жена и дети.

– Они остались?

– Их отец оставил, потому что они, в отличие от самого

Никитки, вели жизнь праведную. Но и им тоже после изгнания блудной овцы пришлось пройти через церемонию очищения.

– Кстати, а в чем она заключается эта церемония? – спросила Настя. – Я так понимаю, нам с тобой придется завтра ее пройти?

– Да. Но ничего страшного или неприятного нам не придется делать. Сегодня мы ходим в баню и спать с тобой ляжем отдельно. А завтра отец прочитает свои молитвы, споет парочку псалмов, потом мы омоем руки, лицо и ноги в специальной чаше для омовений. Он еще помолится, и мы можем считать себя очищенными.

– Так просто?

– Ну, кажется, что просто. Но отец очень серьезно относится к такого рода вещам. Ты лучше с ним не спорь, пусть делает, как ему нравится.

– Я и не собиралась даже, – вздохнула Настя.

Они прогулялись вокруг поселка, рассмотрели тщательно ухоженные поля, на которых колосилась пшеница, рожь и ячмень. Были тут и картофельные поля, капустные и морковные – большие и опять же дотошно обработанные. Нигде ни сорняка, ни лишней веточки. Аккуратные длинные ряды, способные принести осенью богатый урожай.

Были тут и теплицы, в которых росли теплолюбивые растения: томаты, баклажаны, огурцы и даже дыни с арбузами.

– Никаких ГМО или тому подобной гадости. Отец считает

недопустимым вмешательство в природу.

В поселке был собственный парк посевной и уборочной техники. Имелся свой коровник, где содержалось поселковское стадо. Имелись тут также и охраняемые рыбные пруды, в которых весело плескались жирные карпы и другая рыба.

– Можно будет поудить рыбку, если желание есть.

Но пока друзья лишь оглядывались по сторонам, впитывая в себя новые впечатления. Всюду в поселке, даже на скотном дворе царила удивительная чистота и порядок. Все коровы стояли гладкие, с веселым выражением на мордах. Днем они паслись на лугах, лишь под вечер их загоняли на дойку и ночлег. Овцы были чистенькими, еще не успевшими зарости шерстью по самые уши, но уже довольно кругленькие и тоже веселые.

– А вот свиней отец не держит. Зато у нас есть куры, гуси, индюки и прочая птица. Есть даже голубятня, но это скорее для детской забавы, чем для еды.

– Богатое у вас хозяйство, – заметил Эдик.

– Оно создавалось не один год. Когда мой отец с его братьями приехали в Zubовку, тут ничего не было. Они все начинали строить с нуля.

– А твои дядя тоже такие строгие?

– Не знаю. Я их уже не застал. Они умерли еще до моего рождения.

– А мать или отец тебе про них не рассказывали?

– С отцом говорить бесполезно. Если он сам не захочет,

то ничего не расскажет. А мама и сама не знает.

– Как это?

– Моя мама – вторая жена моего отца. От первой супруги у него было тринадцать детей – мои старшие братья и сестры. Все они, кроме Виссариона, женаты. От мамы у отца только я и моя сестра.

– А где твоя мама сейчас? – спросила Кира.

– В самом деле, – поддержала ее и Леся. – Отца мы твоего видели, а ее еще нет.

– Мама приходила.

– Приходила, издавека рукой нам помахала и ушла, – вмешалась Настя. – Разве это приветствие сына и будущей невестки?

– Маме, как и братьям, и всем остальным членам общины, запрещено полноценно общаться с нами до той поры, пока мы не пройдем обряд очищения.

– Так поэтому люди к нам не решаются подойти? – догадалась Настя. – А я все думаю, чего они со всех сторон глязют, следом бредут, а близко не подходят.

– Заразы боятся! – хмыкнул Эдик. – Чокнутые они тут все. А твой папаша, ты уж Лешка не обижайся, больше всех!

Лешка ничуть не обиделся, он лишь сказал:

– Сколько я себя помню, он всегда был таким, ни чуточки не изменился за все эти годы.

– Сколько же лет твоему отцу?

– В следующем году ему исполнится восемьдесят пять.

– Ого! Преклонный возраст. А выглядит куда моложе.

– Здоровье у папы отменное. Ни разу не помню, чтобы он жаловался на какую-то боль где бы то ни было.

– Выходит, ты родился, когда ему было шестьдесят?

– Да. А потом родилась моя сестра. И все, больше детей у отца уже не было.

– Это и неудивительно. В таком-то почтенном возрасте уже не до детей.

– Не знаю, мне кажется, что тут дело в маме. Когда она рожала сестру, то чуть было не умерла во время родов. Я помню, как все вокруг шептались, что дело плохо. Ради спасения жизни мамы отец даже отступил от правил и пригласил в поселок врачей. Обычно он сам врачует всех занедуживших, у него дома есть даже целая аптека.

– Серьезно?

– Отец имеет звания и награды в области медицины. Но в тот раз он пригласил в поселок специалистов из города, и они сразу же увезли маму в больницу. Назад она вернулась лишь спустя месяц – слабая и очень бледная. И я помню, как долго ей потом пришлось лежать. Врачи сказали, что следующие роды ее просто убьют. Наверное, отец любит маму, поэтому он оставил ее в покое. Теперь у мамы своя комната, а отец спит в гробу.

– Что?

Подругам показалось, что Лешка так неостроумно шутит. Но оказалось, что все всерьез.

– Мой отец очень богобоязненный человек. Он считал, что неспособная родить жена и как следствие этого, прекращение размножения – это ему наказание за какой-то его грех. И с тех пор он окончательно замкнулся в себе, стал проводить еще больше времени, общаясь с Богом. Ну, и для стяжания плоти перебрался спать в гроб, который ему сделали по заказу.

Молельный дом, в котором не только отец Захария, но и все прочие жители поселка общались с Господом, друзья тоже осмотрели. Разумеется, внутрь их никто бы не пустил, но снаружи они смогли его быстренько оглядеть, потому что уже через минуту появился крепкий и широкий в плечах юноша – один из назареев, который вежливо, но твердо попросил их пройти дальше.

На этом прогулка завершилась, и вся компания вернулась в отведенный им для ночлега дом. Тут уже стоял накрытый стол, вся еда оказалась постной и очень скромной. Хлеб, овощи, свежая зелень. Ни мяса, ни рыбы, ни даже молочных продуктов, сыра там или творога, на столе не было. Из питья предлагалась вода, яблочный компот и на десерт мед и варенье из лесных ягод. Вот и вся трапеза.

Набегавшийся Ванька при виде такого ужина заметно приуныл.

– Мама, а колбаски разве нет? – жалобно поинтересовался он у матери. – И сосисок тоже нет?

– Кушай, что есть, сынок.

– Но я ничего из этого не люблю!

Обычный современный ребенок, такой просто не понимает, как можно есть какую-то там капусту, когда в мире полно копченой колбасы и гамбургеров. В результате Ванька ограничился тем, что поел хлеба и похрустел несколькими свежими огурцами, которые были очень неплохи. Даже и без мясных или молочных блюд ужин оказался достаточно сытным.

Отварная картошка, которая все-таки в итоге нашлась на плите, заботливо укутанная в одеяло, исходила ароматным теплым паром. Мелко порубленные огурчики и помидорки были обильно залиты душистым подсолнечным маслом, засыпаны укропом и другой зеленью. Хлеб был мягкий и душистый. Так что все сумели подкрепиться и решили пораньше разойтись по своим комнатам. Тем более что окна в соседних домах уже начали гаснуть.

Спать в Зубовке ложились рано, никаких гуляний или веселья по случаю окончания рабочей недели не предусматривалось. Телевизора, радио или Интернета тут не было вовсе. Телевизор имелся один на всю Зубовку и стоял он в доме отца Захария, который смотрел новости, а потом пересказывал другим жителям поселка те из них, которые считал наиболее полезными и поучительными. Конечно, можно было бы воспользоваться мобильным Интернетом, но связь все время прерывалась. И все друзья понимали: единственный для них выход скоротать вечер и дождаться следующего утра –

это лечь спать.

Но прежде, чем они разошлись по своим комнатам, в дверь постучали, и спустя некоторое время в дом вошел один из назареев. Был он совсем молод, приветлив, но тверд в своем желании увести Лешку от его друзей.

– Алексей, мне поручено отвести тебя к месту твоего ночлега. С тобой останутся Виссарион и Иеремия.

– А разве ему нельзя остаться тут? – спросила Настя. – Пожалуйста! Мы даже ляжем в разных комнатах.

Но юноша и бровью не повел. Да еще и наставительно произнес, обращаясь к друзьям:

– Вам всем надлежит провести эту ночь безгрешно, в молитвах и размышлениях. Завтра вас всех ожидает церемония очищения, подготовьтесь к ней душевно. Так распорядился отец Захария, а его слово свято.

Лешка наклонился к невесте и шепнул ей на ухо:

– Лучше не спорить.

И Насте пришлось отступить. Она понимала: пока они находятся во владениях Лешкиного отца, играть им придется по его правилам. После ухода Лешки и его сопровождающего больше никто не нарушал покоя прибывших в Зубовку гостей. И им оставалось лишь пожелать друг другу спокойной ночи и разбрестись по своим кроватям, искренне надеясь, что завтрашний вечер пройдет у них хоть немного веселее.

Последнее, что запомнилось Кире, когда она выглянула в окно, было белое пламя в светильнике, который зажигали

назарей в тот момент, когда хотели объявить всему поселку о том, что отец Захария уединился для молитвы. Происходила эта молитва всегда в одном и том же месте, в специально оборудованной для этих целей комнате. Именно там старец молился за судьбы всех жителей поселка вообще и за каждого из них в отдельности. А посему всем в поселке предписывалось в это время вести себя как можно тише и примерней, чтобы не отвлекать отца Захария от его важного дела.

Едва взошло солнце, за окном тут же раздались голоса. Замычала и заблеяла скотина, заголосили петухи, поселок оживал, пробуждался, готовый к новому дню.

Сам отец Захарий не соизволил почтить гостей своим визитом. Он все еще находился в комнате для уединения, о чем провозглашал горящий светильник. Волю отца Захария передал друзьям очередной назарей – румяный и круглощекий парень с веселыми глазами.

– Сегодня вам предстоит пройти обряд очищения, – важно сообщил он, глядя на Настю и остальных.

– Как? Разве нам тоже?

Вчерашний назарей тоже говорил о чем-то таком, но они устали, слушали невнимательно, поэтому толком и не поняли сути дела. Но сегодняшний назарей все подробно им объяснил:

– Отец Захария вчера перед тем, как уединиться для молитвы, сказал, что если вы хотите участвовать в свадебной

церемонии, вам тоже надлежит очиститься. Для этого вам сегодня предстоит поститься и, уединившись, вспомнить и сокрушиться о ваших греховных поступках, мыслях или прочих деяниях, которых вам приходится стыдиться.

– Даже за мысли?

– Мысль – материальна. То, что мы думаем, остается с нами.

– Хорошо, мы уединимся и подумаем. Куда нам надлежит явиться для этого?

Оказалось, что размышлять и вспоминать о своих прегрешениях им было дозволено в любом месте, лишь бы там было тихо и спокойно.

– А вот церемония очищения начнется с ритуального омовения. Баню уже затопили. После обеда начнем.

Но пока им не был подан даже завтрак. И когда гости деликатно намекнули на это упущение, румяный назарей покачал головой:

– Сегодня вам не придется вкушать ничего кроме воды и хлеба.

С этими словами он вынул из-за пазухи краюху, завернутую в чистую тряпицу, и, положив ее на стол, сказал:

– Воды напьетесь у колодезя.

И вышел. Подойдя к тряпице, Кира ее развернула и с любопытством взглянула на приношение. Оказалось, что хлеб заранее порезан на куски, ровно по числу участников завтрака. Последняя половинка куска, очевидно, предназначалась

Ваньке, который сначала даже не поверил в то, что это все, что ему предложено на завтрак.

– Как? Даже каши не будет? – искренне удивился мальчик. – И масла с сыром на бутерброд тоже нет?

– Кушай, сынок, что дают, – вздохнула Настя. – Твой новый дедушка с большими странностями, но мы должны уважать его обычаи и привычки. Ведь мы у него в гостях.

– Мне этот старик совсем не нравится, – заявил мальчик, надув губы. – И другие ребята говорят, что он злой. Представляешь, он сам лично порет по субботам тех, кто плохо вел себя на неделе. А сегодня как раз суббота, день очищения.

– Будем надеяться, что тебя он не тронет.

– Еще чего! – окончательно набылчился Ванька. – Пусть только попробует меня пальцем тронуть! Я на него мигом жалобу в органы опеки напишу!

И видя, как разинули рты окружающие его взрослые, он подбоченился и произнес:

– А чего тут такого? У нас один мальчик так своего отца к порядку приучил. А то тот повадился его за каждую пару по заднице ремнем хлестать. Валерка терпел-терпел, а потом ему надоело, он к школьному психологу пошел и пожаловался ей на домашнее насилие. И следы на заднице от ремня показал. Психологичка тут же в органы опеки, те в полицию. Валерку едва в детский дом от родителей не забрали.

– И что? Думаешь, в детском доме твоему Валерке слаще

бы пришлось? – нахмурилась Настя. – И кстати, уж не тот ли это Валерка, который второй год в первом классе сидит?

– Он.

– И ты с ним дружишь? – еще сильнее нахмурилась Настя.

– Не дружу, но общаюсь. Он много знает. Видишь, как он своего батю к порядку приучил!

– Чтобы я больше про этого Валерку ничего не слышала! – окончательно вышла из себя Настя. – Этого еще не хватало, на родителей доносить. Павлик Морозов какой выискался. И если хочешь знать мое мнение, то правильно, что отец Валерку за двойки лупит. Значит, мало он его лупит, если Валерка до сих пор из первого во второй класс переползти не может!

– Ладно, мама, что ты так расшумелась, – ответил при-
смиривший отпрыск. – Не хочешь, не буду я с Валеркой дру-
жить. Тем более что я теперь во втором классе, а он все еще
в первом остается.

И с этими словами Ванька умчался на улицу, где уже про-
хаживались его новые приятели. У одного в руках было ру-
мяное яблоко, у другого в подоле рубашки лежало множе-
ство спелых желтых слив, а еще один держал в руках огром-
ный кусок белой булки, обильно намазанной чем-то жирным
и желтым. То ли творог со сливками, то ли домашний сыр,
то ли что-то вроде этого. Все ребята наперебой принялись
совать своему новому другу куски от своих угощений.

– Будем надеяться, что Ванька хотя бы у своих новых дру-

зей перекусит, – со вздохом произнесла Настя.

Вскоре пришел Лешка, который лишь головой покачал, увидев кусок хлеба, который был оставлен для него. Но съел, не поморщился.

– Где ты спал?

– Мне постелили на сеновале. И двое назареев меня оберегали с двух сторон.

– Тебя даже не пустили в дом? – поразилась Настя. – Я была уверена, отец позовет тебя к себе.

– Ты не знаешь отца. Все, что приходит к нему из большого мира, считается им нечистым. И пока он лично не очистит пришедшее или пришедшего к нему, то никакого близкого общения не будет. Пустить кого-то из нас в свой дом, значит, подвергнуть обитающих в нем людей соблазну и угрозе столкнуться с нечистотой чужаков.

– Знаешь, встречала я чистюль, но таких, как твой папочка – никогда, – покачала головой Леся.

– Он вообще здоров психически? Врачи его освидетельствовали когда-нибудь?

– Отец сам по образованию врач.

– Это еще ничего не скажет. Кормить гостей, приехавшего сына и его беременную жену одним хлебом и водой, когда у самого закрома ломаются – это как? Это нормально?

– Это делается для нашего же блага.

– Какое благо может быть в том, что на завтрак нам дали сухую краюху хлеба и посоветовали попить водички из ко-

лодца?

Допустим, тут Кира слегка преувеличила. Хлеб был совсем свежий и даже теплый. И было видно, что испекший его человек готовил с большой любовью и старанием. Но все равно, один хлеб – это очень и очень мало для такой большой и оголодавшей компании.

– Церемония очищения начинается с поста. Он может длиться и день, и несколько дней, и даже несколько месяцев, в зависимости от тяжести наложенного послушания. Нам придется поститься до вечера.

– Суровый у тебя отец.

– Это еще что. Это, я считаю, еще очень хорошо все прошло. И отец был с нами всеми милостив и приветлив.

– Приветлив? – не поверила своим ушам Кира. – Это ты называешь приветливостью? Сначала он заявил нам всем, что мы мерзкие грешники, недостойные даже переступить порога его дома. А теперь он морит нас голодом, да еще собирается впутать нас в свои манипуляции.

– Не манипуляции, а обряды. Отец очень набожен. Он уверен, что официальная церковь давно развращена, истинной благодати в ней нет. И что в нынешние последние времена каждый человек должен самостоятельно или с помощью опытного проводника искать свой путь очищения и спасения.

– А опытный проводник – это он сам?

Лешка молча кивнул. А потом, взглянув на Настю, вне-

запно произнес:

– Если хочешь, мы можем уехать. Одно твое слово, и мы собираем вещи, берем Ваньку, и только папаша нас и видел! Я-то его хорошо знаю, поэтому и не удивляюсь такому приему. Но если вы против, то одно твое слово, Настя, и мы уедем!

Настя поколебалась ровно одну минуту.

– Нет, – произнесла она затем, приветливо улыбнувшись, – нет, дорогой. Я хочу, чтобы твой отец принял меня, как законную невестку. И если для его успокоения требуется, чтобы я денек поголодала и помылась в его чертовой бане, то я готова.

Лешка просиял и, взяв Настю за руку, сказал ей, что она самая замечательная, самая чудесная и самая понимающая женщина в мире.

– А баня у отца очень даже классная, ты сама увидишь. Он даже специально пригласил для ее постройки человека со стороны. К нам приезжал архитектор-проектировщик, и баня возведена по его собственному проекту, согласно старинным чертежам чуть ли не эпохи Калигулы. Другой такой, наверное, со времен римских императоров люди и не видели.

Лешка сумел возбудить любопытство своих друзей. И надо сказать, что мысль о замечательной бане, которой позавидовала бы и римская знать, здорово отвлекала их от поиска всех своих прежних грешков, грехов и проступков. И поэтому к обеденному часу они продвинулись на пути по-

каения куда меньше, чем ожидали. Впрочем, принесенный друзьям обед наглядно показал им, что до победного финала еще очень далеко, и жители поселка это отлично знают. На обед им подали по миске жидкой похлебки на травах и по куску пресного белого хлеба.

– Этого вполне достаточно, чтобы продержаться до вечера.

– А вечером нас накормят? – с тоской поинтересовалась Кира, которую совсем не вдохновила вода с капустой.

– После церемонии очищения нам всем подадут специальный напиток – эликсир невинности, но по сути это просто молоко с медом.

Ну, хотя бы кое-что. Друзья перекусили, Лешка даже доел Ванькину порцию, потому что мальчик, забежав в дом, чтобы пообедать, и увидев снесь, которой умиряли свою плоть родители, скривил пренебрежительную гримасу и заявил:

– А я не буду это есть! Меня Слава к себе обедать пригласил.

– Пригласил? А его родители в курсе?

– Они тоже сказали, чтобы я приходил. Мы сядем в саду, чтобы злой старикан не возникал потом.

И устремив на мать взгляд, Ванька воскликнул:

– Мама, ну можно? У Славы отец рыбину притащил, огромную! Они все ее есть будут и меня тоже позвали с ними обедать.

– А как же запрет старца Захария?

— Ко мне этот запрет не относится, — важно объяснил взрослым Ванька. — Я еще дитя. И потом, раз мне можно играть со здешними ребятами, значит, и в гости к ним зайти не возбраняется. Я уже у многих дома побывал. Ну, мама... можно я пойду есть рыбу?

Ванька любил рыбу в любом виде, хоть в вареном, хоть в жареном. В соленом, печеном и копченом тоже любил. И поэтому Насте не оставалось ничего другого, как развести руками:

— Ну, коли у них рыба, иди.

Обрадованный Ванька убежал. А друзья вышли в сад, где можно было погулять, и к тому же имелась возможность раздобыть чего-нибудь съестного в добавление к весьма скудному обеду. На некоторых деревьях висели спелые плоды, да и под ногами валялось достаточное количество вполне пригодных в пищу паданцев. Подруги были уверены, что наказания за это не последует. Никто ведь не заставлял их сидеть сиднем в доме. Им всего лишь было сказано, что о грехах своих надлежит поразмыслить в месте тихом и спокойном. А чем в саду не спокойно? Очень даже спокойно.

Но так показалось девушкам лишь вначале. Углубившись в гущу деревьев, они внезапно слышали человеческие голоса. Разговаривали мужчина и женщина. И если голос мужчины звучал внушительно и глуховато, то женщина то и дело взвизгивала. Любопытство само по себе не грех, но зачистую ведет оно к поступкам весьма греховным. И подруги не

могли не думать об этом, медленно, но верно, продвигаясь в сторону этих голосов.

– Куда ты идешь? – спросила Кира.

– Я должна услышать, чего они там ругаются, – ответила Леся.

Сад, по которому шли подруги, изрядно зарос сорняками и кустарником. Почва тут была плодородная, так что временное отсутствие ухода сказалось на деревьях положительно. Они разрослись и превратились в настоящих диких красавцев и красавиц. Но самое главное, что все эти деревья давали подругам отличную защиту от чужих глаз. Даже вздумай спорщики заглянуть через забор, они бы все равно не увидели подруг. Невидимые спорщики просто не могли заметить приближающуюся к ним угрозу.

– Я тебе уже много раз говорила об этом, – произнес женский голос. – А теперь говорю в последний раз. Ты должен это сделать!

– Но я не готов.

– Дальше ждать нельзя! Ты же его слышал! Ты слышал, что он сказал своему сыну. Ты что не понимаешь, чем это нам угрожает?

– Но что я могу поделать? Со старым дьяволом никто не сладит.

– Значит, нужно сделать так, чтобы он не смог тебе навредить.

– Но как? – почти простонал мужской голос.

– А я тебе скажу как, – очень тихо и вкрадчиво произнесла женщина. – Наклонись ко мне, любимый. Я научу тебя, как нам совладать с бедой.

Видимо, мужчина наклонился к ней, потому что некоторое время не раздавалось ни звука, лишь птички щебетали в ветвях, и в высокой траве стрекотал кузнечик.

– Нет! – раздался громкий крик.

Подруги от неожиданности прямо подпрыгнули на месте. Ишь, разорался!

– Нет, даже и не проси меня об этом! – повторил мужчина, причем на этот раз в его голосе звучал неприкрытый страх и даже ужас. – Это отвратительно!

– Это единственный выход.

– Ты хочешь, чтобы я погубил свою душу.

– Ах, какой же ты трус! – вскипела женщина. – Все душа и душа! Жалкий, ничтожный трус! Хорошо, раз ты так боишься за свою душу, то я рискну своей!

– Мила, что ты говоришь? Нельзя этого... это грех!

– Грех жить так, как живем мы с тобой. Вот это действительно грех. А любить и быть с любимым человеком – это не грех, это то, как должны жить нормальные люди. Нормальные, понимаешь? А не такие твердолобые святоши, как твой папаша!

Значит, мужчина – это один из братьев Лешки. Или женщина говорит о каком-то другом твердолобом святоше? Вполне возможно, что тут старшее поколение вообще все

поголовно со сдвигом. Тогда нелюбезный комментарий молодой женщины может относиться к ее собственному свекру или даже к дяде или просто знакомому. Интересно, а кто она все-таки такая? Судя по всему, это весьма энергичная особа, умеющая добиваться своего.

Кире стало очень любопытно, хотелось взглянуть на лицо этой женщины. Она сделала несколько осторожных шагов, но густые ветки внезапно раздвинулись, а Кира уперлась носом в забор. Доски, скрывающие подруг от глаз незнакомой парочки, сейчас работали против Киры. Да, ее не было видно, но и ей ничего невозможно было разглядеть. Она не могла видеть, кто стоит по другую сторону ограждения.

– Учти, я не буду больше так жить, – произнесла женщина, и на сей раз в ее голосе слышались слезы. – Я уйду. И мне все равно, уйдешь ты со мной или я уйду одна.

– Мила, постой...

– Я сделаю то, что мы задумывали. С тобой или без тебя!

Последнюю фразу женщина выкрикнула, уже убегая. Мужчина хотел было последовать за ней, но внезапно что-то его спугнуло, он резко развернулся и побежал в другую сторону. Плюнув на всякую осторожность и на то, что ее могут увидеть, Кира подскочила и попыталась заглянуть через забор.

– Проклятье! – вырвалось у нее. – Зачем строить заборы по два метра в поселке, где никто не грешит?

Она стукнула кулаком по крепкой доске, но та отнеслась

к этому равнодушно. И к тому времени, когда Кира сумела найти подставку, подпрыгнуть с нее и подтянуться на руках, мужская фигура уже скрылась за поворотом. Девушке удалось лишь рассмотреть длинные темные волосы и край белого одеяния, в котором тут разгуливали все назареи.

Кира уже успела узнать от Лешки, что прежде назареями называли всех первенцев мужского пола. Такой ребенок считался принадлежащим Богу. В поселке некоторых своих первенцев родители выкупали жертвой, отдавая отцу Захарию за ребенка деньги или скот, некоторые этого не делали и посвящали дитя Богу. И тогда ребенок поступал на воспитание к Лешкиному отцу.

Насколько успела понять Кира, назарею надлежало соблюдать всяческую чистоту, как телесную, так и духовную. И отношения с противоположным полом для него заканчивались после того, как ребенка отнимали от материнской груди. Жениться, обзаводиться потомством он не имел права. Вся его жизнь должна была принадлежать Богу и его непосредственному заместителю на земле – отцу Захарию.

Но у того назарея, разговор которого подслушали подружки, похоже, намечался весьма бурный любовный роман.

– Хм, занятно, – задумчиво произнесла Кира. – Похоже, кому-то, кроме нас, тут тоже нужно исповедаться в своих грехах.

Леся, которая тоже успела увидеть кончик одеяния убежавшего назарея, взглянула на нее с укором.

– Как ты можешь так говорить? Мужчина влюблен в эту свою Милу.

– А она, насколько я понимаю, склоняла его к бегству.

– К бегству или к чему-то другому, но склоняла однозначно.

И Леся покивала, показывая, что подслушанный ими разговор оставил в ней глубокий след. И она еще подумает о том, что ей довелось услышать.

Остаток времени подруги провели под тенью деревьев, собирая весьма вкусные яблоки, которых тут было великое множество. Потом к ним спустилась Настя.

– Как я славно выпалась после обеда, – произнесла она, потягиваясь с видимым удовольствием.

– Поздравляем.

– Очень за тебя рады.

– С этой беременностью мне все время хочется спать. А Лешка до сих пор еще спит, засоня!

И Настя тихонько рассмеялась. Как все беременные женщины, она находилась в особом благодушном состоянии. Потом она взяла из рук Леси румяное яблочко, надкусила его и, пережевывая его сочную мякоть, обвела глазами сад.

– Странно, всюду в поселке такой порядок, а в этом доме запустение.

– Люди своими огородами занимаются, чужие им ни к чему.

– А плоды на деревьях? Неужели трудно их собрать и ис-

пользовать для дела?

– Наверное, своих плодов у соседей предостаточно.

Но все же и самим подругам казалось такое поведение соседей весьма странным. И в то, что этот дом изначально предназначался для гостиницы, они тоже не верили.

После исчезновения поссорившейся влюбленной парочки больше никто не побеспокоил покой друзей вплоть до того момента, пока к ним не пришли и не позвали их для церемонии ритуального очищения.

Кира с любопытством рассмотрела четырех мужчин, которые явились за ними. Все они были в белых одеждах. А возраст их колебался от двадцати до пятидесяти лет. Был ли среди этих назареев тот, кто так поспешно убежал от их сада? Понять было ничего невозможно. У двоих волосы были достаточно темными. Но все явившиеся к друзьям назареи выглядели совершенно одинаково невозмутимыми.

Самый серьезный из них сказал:

– Сначала идут женщины, потом мужчины.

Но напрасно подруги обрадовались джентльменскому отношению к ним этих мужчин.

– Отец Захария говорит, что женщины по своей сути более греховны. Примером тому служит поступок Евы, когда она соблазнила Адама в Эдемском саду. Поэтому женщинам надлежит пройти более тщательный ритуал очищения.

Ну, началось! И почему именно этот грех праматери Евы никак не могут забыть люди? Ведь никто из потомков Авеля

вроде бы не имеет претензий к потомкам Каина? И вообще, были у бедного Авеля потомки или завистливый брат убил его бездетным, прямо на корню погубив весь его род?

– Хватит вам всем полоскать белье прабабушки Евы! – разозлилась Кира на назареев. – Мужчины ничуть не чище! Адам сам должен был думать, что ему делать. И вообще, если бы он не дрых сутками напролет под кустом, а делом бы занимался, то, наверное, настиг бы проклятого Змея и выгнал того из Эдема. Еву бы спас от соблазна, и сам бы мужиком себя чувствовал!

Видимо, подобные доводы никто и никогда не приводил назареем, потому что они немножко оторопели. А когда вновь обрели дар речи, самый младший пискнул:

– Молчите, грешницы! Отцу Захарии лучше знать, кто вы такие. А он говорит, что всякий раз, когда он отчитывает женщину-блудницу, он устает так, словно отчитал десяток убийц. Женщина по своей сути порочна. И в ней даже самое простое желание подобно бесовскому пламени!

Ишь ты, куда завернул! Но Кира затеяла этот диалог исключительно с целью услышать голоса всех назареев. А те двое, которые были постарше, и которые поэтому интересовали ее сильнее всего, потому что по возрасту подходили в подозреваемые, как назло молчали, словно воды в рот набрав.

Глава 4

Баня, куда препроводили подруг с почетом и даже некоторым триумфом, действительно превосходила все их ожидания. Нет, конечно, тут не было ни мрамора, ни изразцов, но тут имелось все необходимое, чтобы человеческое тело получило полное отдохновение.

Для начала подруги хорошенько пропарились, лежа на нагретых до приятной температуры камнях, потом они перешли в парную пожарче, а оттуда в еще одну, так жарко нагретую, что им вскоре стало казаться, что кожа у них вся вот-вот полопается.

– Теперь я понимаю, что чувствует индейка, когда ее жарят ко Дню благодарения.

– Птичке не больно, она уже мертвая.

– Но мы-то с тобой еще живые.

Настя грелась, а потом омывалась вместе с ними. Лицо у нее при этом было какое-то блаженное. И выходя из бани, она призналась подругам:

– Знаете, мне вроде бы и впрямь полегчало. Пока меня эти женщины мыли, я все время представляла, как прошлая жизнь, грехи, обиды, все это стекает с меня.

Настю отвлекли две женщины, которые служили при бане. А Леся уллучила минутку, чтобы шепнуть Кире:

– Ну, старик может радоваться. Нашел себе невестку по

вкусу.

– Может быть, в этом что-то есть? Я тоже чувствую какую-то легкость во всем теле.

– Теперь и ты туда же?

Однако баня – это было только начало пути очищения всей компании. Пока подруги пили травяные чаи, их мужчины тоже вымылись и переоделись в специальные ритуальные одежды, свидетельствующие о степени их чистоты.

Дальше им выдали повязки на глаза, которые не позволяли видеть ничего, кроме своих ног. Затем каждого бережно взяли под руки и куда-то повели. Возможно, Лешка, который прожил в Зубовке все свое детство и юность, имел хоть какое-то представление о том, куда они направляются, но подруги были лишены даже этого утешения.

– Как ты думаешь, что с нами будут делать?

Оказалось, ничего страшного. Их заставили опять омыть лицо, руки, а потом и ноги в специальной медной чаше. Причем воду каждый раз наливали свежую, да еще и троекратно споласкивали чашу после каждого омовения, читая очистительную молитву. Поэтому на все это у служителей ушло довольно много времени. Но судя по голосам собравшихся на церемонию обитателей поселка, недовольных среди них не было.

Однако лишь часть церемонии очищения можно было так или иначе наблюдать зрителям. Самая сокровенная ее часть должна была произойти наедине со старцем Захарием, отцом

Лешки. Только он мог прочесть положенные молитвы, а потом сказать, помог ритуал или кому-то требуется еще дополнительное очищение. Для этого их по одному ввели в дом, скорее всего, тот самый молебельный дом, на который вчера им даже не разрешили хорошенько взглянуть. Видимо, теперь они были уже достаточно чисты для того, чтобы даже посидеть тут.

Повязки с глаз им до сих пор так и не сняли, так что видимость у всех была самая минимальная. Но судя по всему все они находились тут. И кроме них здесь было еще двое назареев, которые просто стояли по обеим сторонам от двери. Так в молчании шло время. Наконец, даже назареи начали переминаясь с ноги на ногу и едва слышно вздыхать.

И тогда Лешка произнес:

– Ребята, чего ждем? Где отец?

– Он у себя.

– Так скажите, что мы тут.

– Он знает.

Но и после этого диалога ничего не произошло. Прошло еще минут десять, и тогда Кира внезапно встала, сняла с глаз повязку и воскликнула:

– Знаете, ребята, это становится уже неприличным! Мы потратили на этот ритуал без малого три часа. И если в бане было еще забавно, то теперь я хочу есть, по ногам мне сквозит, а сидеть здесь в молчании, ожидая невесты чего, я не хочу!

Один из назареев показал рукой на горящее в фонаре белое пламя.

– Отец Захария занят.

– Занят он! – возмутилась Кира. – А у нас, можно подумать, других дел нет, как тут сидеть и ждать!

И она закричала во весь голос:

– Господин Захария, выходите! Делайте, что там положено, если вы хотите, чтобы завтра все-таки состоялась свадьба вашего сына!

Назарейи окаменели от ужаса. В их глазах плескалось отчаяние.

– Сестра, ты губишь надежду на свое спасение.

– Зато не трачу время на ерунду!

Но и после выступления Киры никаких изменений не произошло. Дверь в комнату отца Захария осталась закрытой. И ни единого звука из-за нее так и не донеслось. Однако демарш Киры послужил сигналом для остальных. Все по очереди сняли повязки с глаз. Настя сделала это последней. Выглядела она какой-то растерянной и даже обиженной.

– Зачем ты так? – с укором обратилась она к Кире. – Зачем скандалишь? Наверное, отец Захария сейчас находится в молитвенном состоянии. В трансе! Нельзя прерывать беседу человека с Господом, да еще так грубо!

– Настя, вернись к нам! – воскликнула Кира. – Мы сидим тут уже час или даже больше! Сколько еще можно? Старик сам назначил это время, он нас ждет. Так чего он выпендри-

вается?

Назарей выглядели возмущенными точно так же, как и Настя.

– Не богохульствуй, нечестивица! – произнес один из них.

И снова голос был не тот. Кира слышала голоса уже четырех назареев, но ни один из них не был похож на голос того мужчины, чей разговор они с Лесей подслушали сегодня после обеда. Кто же он? Кире почему-то казалось очень важным узнать это.

– Ладно, так мы разговаривать не можем. Зайдите к вашему святому отцу, спросите, что нам делать? Да и народ на улице уже притомился ждать. Слышите вы, истуканы?

Назарей переглянулись друг с другом. На их лицах читалась растерянность. Но войти в помещение, где находился святой отец, они не решались.

– Давайте, давайте, – подталкивала их Кира. – Не бойтесь. Нет, все бесполезно.

– Тогда я сама!

И подскочив к двери, Кира толкнула ее прежде, чем назарей оттащили ее назад. И все же поступок девушки имел важные последствия. Все поняли, что дверь в личные покои старца закрыта изнутри. А между тем отец Лешки на все призывы к нему не откликался. И постепенно возмущение уступило место беспокойству.

– Что-то тут не так, – произнес Лисица. – Он не может не слышать, какую мы тут катавасию подняли. Что же он не

отвечает?

– Вдруг с ним что-то не в порядке? – вторила ему Леша. – Все-таки человек уже преклонного возраста. Сколько ему там? Восемьдесят пять? Всякое могло случиться с человеком в его годы.

Эти слова нашли наконец отклик в сердцах назареев. Теперь они тоже проявили первые признаки волнения. Это выразалось в том, что они начали переглядываться между собой куда чаще. Но сами ребята никогда не приняли бы самостоятельного решения, это было ясно всем. И Кира потребовала:

– Зовите, кто у вас тут главный после святого отца?! Зовите его сюда!

Один из назареев остался возле двери, а второй поспешно убежал. Назад он вернулся минут через десять в сопровождении невысокого мужчины, коренастого, с окладистой бородой и быстрыми умными глазами.

– Что случилось? – спросил он, почему-то обращаясь к одному Лешке.

– Да вот... сами не знаем. Отец закрылся изнутри и не открывает.

– Хм, – почесал бороду мужчина. – Не открывает?

– И не отвечает!

– Если не отвечает, значит, в молитве, – наставительно произнес мужчина.

– А если нет? Если ему стало плохо? Все-таки возраст у

человека солидный.

Глаза вновь прибывшего сверкнули непонятым светом. Похоже, версия о том, что со старцем мог приключиться приступ, показалась ему весьма интересной.

– Нет, надо подождать, – все равно проговорил он после этого.

– Как подождать? – возмутилась Кира. – А если он там умирает за дверью? Вы допустите, чтобы из-за вас умер человек?

– Почему именно из-за меня? – вздрогнул мужчина. – Я-то тут при чем?

– Ну, не из-за вас именно, но из-за вашего решения. Ведь это вы не даете открыть дверь.

– Я не даю? Почему же не даю? Открывайте, пожалуйста. Бог вам судья. Желаете своевольничать, ваше дело. Лешке тому вон не привыкать. И дружков себе под стать раздобыл, тоже своевольничать любите.

– Вы нам зубы не заговаривайте, ключ от двери есть?

– Есть. И он у отца Захария.

– А как же нам попасть в помещение? Другой ход туда имеется?

– Нет.

При этом в голосе мужчины слышалось легкое сомнение, словно он не был уверен до конца в том, о чем говорил. И все же он вновь помотал своей косматой головой и повторил:

– Нет, другого хода нет!

– Окна?

– Окон тоже нет.

– Значит, это единственный вход, через который можно попасть к старцу?

– Да.

Все молча уставились на дверь, которая по-прежнему была заперта и из-за которой не раздавалось ни единого звука. Вывод из ситуации был очевиден. Во всяком случае, для Кире и ее друзей. А вот остальные что-то мешкали.

– Придется ломать дверь, – сказал Лисица. – Другого выбора у нас нет.

Эти его слова привели бородатого в состояние панического ужаса.

– О, нет! Ломать дверь в доме Божьем! Это богохульство!

– Что богохульного в том, чтобы помочь человеку остаться в живых?

– Вы не понимаете! Отца Захария нельзя беспокоить, когда он беседует с Господом!

– Если он даже и беседовал с кем-то, то уже давно прекратил. Мы тут шумим достаточно громко, за дверью нас прекрасно слышно.

На это бородатому было нечего возразить. И все равно инициативу пришлось взять на себя Эдику и Лисице. Местные были до такой степени подавлены и деморализованы происходящим, что решительно ни на что не годились. Они

пытались избрать позицию сторонних наблюдателей, но Лисица не позволил им этого сделать.

– Топор тащите.

Топор появился минут через десять. И Лисица начал примеряться, как бы ему вскрыть дверь, причинив наименьший ущерб. Наконец он вставил лезвие в щель и надавил.

– Не могу этого видеть! – скорбно произнес бородатый и действительно отошел в сторонку.

Покуда Лисица ковырялся у двери, Кира подобралась поближе к Лешке и спросила, указывая на бородатого:

– А кто этот тип?

– Отец Порфирий.

– Так, ясно... А кто он?

– Ну, он у нас живет уже лет десять.

– Так недавно и уже стал вторым человеком после твоего отца?

– Может, и не так давно, но отец очень ценит Порфирия за ум и образованность. Отец Порфирий по образованию экономист, у нас он ведет всю бухгалтерию, с налоговой если возникают проблемы, это все тоже к нему.

– Одним словом, незаменимый человек.

– Он был полезен отцу и всем нам, – сдержанно отозвался Лешка.

Но Кира его ответу невольно удивилась, уже и «нам» и «нас»? С каких это пор Лешка стал так прочно отождествлять себя с членами общины? Раньше-то он до хрипоты кри-

чал о своей независимости от отца, в том числе и финансовой. А теперь вдруг выяснилось, что отец Порфирий был полезен им «всем», включая, получается, и самого Лешку. Чудные дела тут творятся, поистине чудные.

В этот момент мысли Киры прервало появление еще одного мужчины в одежде назарея. Был он уже в возрасте, но волосы у него почти не были тронуты сединой, что придавала ему моложавый вид. Взглянув вопросительно на Лешу, он перевел взгляд на Лисицу, ломающего дверь топором.

Но спросить ничего не успел, потому что как раз в этот момент раздался резкий звук:

– Кррак!

И следом за этим испуганный голос Леси:

– Сломал! Ты все-таки сломал дверь?

– Тише, тише, все в порядке.

Лисица рукой приоткрыл дверь, показывая, что теперь возможно пройти внутрь.

– Кто пойдет первым?

И взглянув на Лешу, предложил:

– Давай ты, все-таки ты ему сын.

Лешка пожал плечами.

– Не понимаю, какое в данной ситуации это имеет значение. Может пойти кто угодно.

Но пошел все-таки сам.

Пропустив его, все друзья столпились у порога, отчего-то

не решаясь зайти внутрь без приглашения. Это место, лишенное окон, было освещено лишь лампадкой, тускло мерцающей в углу. Падающие от нее на стены блики худо-бедно освещали лики святых, но они никак не могли помочь людям в том, чтобы осмотреть всю комнату целиком.

– Нужен свет!

Лисица тут же включил свой смартфон, в котором был такой мощный фонарик, что он моментально осветил всю комнату, залив ее холодным голубоватым светом.

– Отец! – кинулся Лешка к человеку, распростертому на полу. – Что с тобой, папа?

В голосе его слышалось сильное волнение, даже страх. И то, что он назвал грозного старца папой, показывало, насколько напуган Лешка.

Однако фигура оставалась неподвижной. Переодевшийся в свои черные одежды скорби, старец лежал на ковре безответный и тихий. Лешка же едва прикоснулся к телу, как почти тут же поднял на друзей искаженное ужасом лицо.

– Он весь холодный!

И попытавшись поднять тело, он закричал:

– Отец! Отец, вставай!

Но его усилия поднять или как-то растормошить отца остались безрезультатными. Тело отца Захария так и оставалось безжизненным. Лисица, сунув фонарик Кире, тоже поспешил к Лешке на помощь. Увы, все было напрасно. Сделать тут было ничего нельзя. И поднявшись на ноги, Лисица

произнес, глядя на остальных:

– Пульса нет, дыхание отсутствует. Он мертв, и умер, если судить по состоянию его тела, уже давно.

– Нет! – воскликнул Лешка в отчаянии. – Не может этого быть!

И упав рядом с отцом, он закричал в голос:

– Он не мог умереть! Не мог! Только не сейчас!

Горе его было велико, а голос достаточно громок, чтобы его услышали и на улице. Собравшаяся перед моленной домом толпа людей, которые пришли сюда в ожидании свершения церемонии очищения, начала волноваться. Шатаясь, Лешка поднял тело отца на руки и прежде, чем его кто-либо успел остановить, двинулся к выходу.

– Люди! – громко возвестил он, выйдя на порог дома. – Наш с вами общий отец умер! Нет с нами больше отца Захария! Он мертв!

Толпа онемела. Люди замерли, не в силах поверить своим ушам и глазам. Но всего лишь мгновение спустя из нее выбежала сравнительно молодая еще женщина, которая в страшном испуге кинулась к Лешке. Следом за ней выбежала девушка, лицом похожая на Лешку, выкрикнув лишь короткое:

– Как?!

– Мама! – сделал шаг навстречу первой женщине Лешка. – Не могу поверить в такое горе! Отец умер!

Женщина не отвечала ему. Она лишь молча смотрела на мертвое тело старца. По ее лицу невозможно было понять,

какие именно чувства ее обуревают в этот момент. Шок от услышанного известия для всех был слишком велик, чтобы люди до конца могли бы осознать случившееся.

– Что произошло? – допытывалась между тем у Лешки приткая девушка, которая, судя по сходству, была его сестрой и держалась с Лешкой куда свободнее остальных. – Алексей, что случилось?

Но Лешка не мог говорить. Слезы текли из его глаз, мешая словам выходить наружу.

– Отец... мой отец...

Он зашатался. И несколько опомнившихся мужчин подбежали к нему, бережно и почтительно приняв из рук сына тело старца. А Лешка, рыдая, упал на грудь своей матери. Теперь, со смертью отца, пали и все его запреты. И ни один голос не посмел возразить что-либо против этих объятий, несмотря на то, что церемония очищения Леши и всех остальных еще не была завершена. Люди, подавленные горем, молча стояли и смотрели на то, что происходило перед моельным домом.

Постепенно толпа начинала понимать, что случилась ужасная катастрофа. Смерть старца, основателя их общины, означала то, что привычная жизнь для них закончилась. Скоро грядут неизбежные перемены. И каковы будут эти перемены, сказать никто не мог. И люди заплакали, и люди завопили. Не только от горя, но и от страха перед ожидающим их будущим.

– Ничего себе, съездили на свадьбу, – прошептала Леся себе под нос. – Вместо праздничного угощения хлеб и вода, а вместо веселья на пиру мы, похоже, на похороны угодили!

Но оказалось, что самое худшее ждет их всех еще впереди. Лисица, который наконец добился, чтобы ему принесли фонарь помощнее, теперь осматривал комнату. Неожиданно он вновь опустился на колени и прикоснулся к ворсу ковра, которым был застелен центр комнаты. Алый ворс показался ему влажным еще раньше. Заинтересовавшись теперь этим обстоятельством, Лисица, наконец, прикоснулся к ковру.

– Ну да, мокро, – пробормотал он.

Затем он задумчиво потер ставшие внезапно липкими пальцы, лицо его вновь выразило сомнение. Потом он поднес свои пальцы к носу и вздрогнул, окончательно узнав знакомый сладковатый запах крови. Следом за этим Лисица вскочил на ноги и кинулся следом за мужчинами, уносящими тело старца.

– Стойте! – крикнул он им на бегу.

А подскочив ближе, принялся ощупывать тело покойного. Поднимал руки, ноги, проверял складки одежды. От такого обращения по толпе вновь пошел гул возмущения. Наверное, для Лисицы его выходка могла бы плохо закончиться, но внезапно он воскликнул:

– Кровь! Смотрите, на нем всюду кровь! Ряса вся пропиталась ею! Это не просто смерть, это убийство!

Вот теперь в толпе возник настоящий ропот. Он нарастал

и ширился.

– Ложь! – доносились отдельные выкрики. – Не может такого быть!

– Чужеземец, ты ошибаешься!

– Кто ты такой, чтобы прикасаться к святому отцу?

– Нечестивец!

– Побить его!

– Тащите камни!

Ситуация складывалась и вовсе критическая. И тут Лешка неожиданно встал рядом с Лисицей.

– Я сын своего отца, – неожиданно грозным голосом произнес он. – И я говорю вам, уймитесь! Мой отец умер, истинно говорю вам! Но если с ним случилась не простая смерть, если его убили, мы найдем и покараем его убийцу. А человек, принесший нам эту весть, не виновен!

Толпа тут же покорно отступила назад, явно признавая права Лешки говорить с ними в таком тоне.

– Перенесем тело отца в наш дом, – сказал Лешка мужчинам, которые продолжали держать тело старца в руках. – Там мы осмотрим его и вместе решим, как быть дальше.

Никто не осмелился ему возразить. И траурная процессия двинулась через весь поселок. Из домов выбегали люди, узнавали, в чем дело, и тоже принимались плакать. Так что к тому моменту, когда тело покойного прибыло к его дому, весь поселок уже знал о случившемся несчастье.

Однако в дом вошли лишь те, кого допустил туда Леша.

Друзья тоже оказались в числе избранных. Также тут был и отец Порфирий, и мать самого Леши. А еще несколько назареев из числа наиболее приближенных к покойному. Кроме того, встречать их вышла хоть и немолодая, но еще крепенькая тетенька с недобрым лицом и сжатыми губами. Узрев тело старца, она побледнела еще больше. А увидев друзей, зло зашипела на них:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.